

МАРИЯ
МИНЦ

ЛЕДИ-ДОКТОР
С ДРАКОНАМИ
ОДНИ ПРОБЛЕМЫ!

Мария Минц

**Леди-доктор. С драконами
одни проблемы!**

«Литнет»

2025

Минц М.

Леди-доктор. С драконами одни проблемы! / М. Минц —
«Литнет», 2025

✂ НОВИНКА ПРО АПТЕКУ ПОПАДАНКИ ✂ На меня упал потолок! И я перенеслась в другой мир. Да еще и в другое тело. Здесь я уже не уважаемый врач с многолетним опытом, а совсем юная выпускница Медицинской Академии. Хуже того, отправленная на работу в глухую деревню! Тут-то мне и предстоит не только выживать, но и лечить других, имея под рукой только самые примитивные инструменты. Но что это за странный тип не даёт мне прохода? С виду грозный и жуткий, утверждает, что он Главный королевский инспектор. И почему-то твёрдо намерен посадить меня в тюрьму. А тут ещё и незадачливый жених хозяйки тела нарисовался, хочет на мне непременно жениться. Пусть идёт лесом! Вот только почему моё сердце так сильно бьётся при виде инспектора? Не могла же я в него влюбиться! В тексте вас ждут:
\$# решительная попаданка суровый инспектор-дракон трудовые будни
врача в захолустной деревне эмоциональные истории пациентов всех мастей
ХЭ (для тех, кто его действительно достоин!) Книга участвует в литмобе
«Попаданка в белом халате»;

© Минц М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	38
Глава 17	40
Глава 18	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

– Беда! Ох, беда-беда-беда!

– Не жилец она. И ребяточка уже не спасти.

– погоди. Я уверена, его ещё можно вытащить. Нельзя же так сразу на нём крест ставить!

– А я тебе говорю, его не спасти, и точка! Пусть вместе с мамашкой своей упокоится, а мой сын наконец-то себе получше жену найдёт. Давай, тащи сюда плач-полынь, поможем Данке уйти тихо, без мучений!

Кто это говорит? Голоса какие-то незнакомые, скрипучие, как будто принадлежат двум древним старухам.

Стоп. А откуда вообще тут взялись старухи, если я спокойно сидела в своём кабинете? Одна.

Похоже, я вырубилась, и ко мне как-то просочились пациентки без очереди.

А при чём тут тогда ребёнок? И почему так жарко и влажно? Я же не в тропиках живу, у нас тут лето не отличается такой духотой!

От всех этих непоняток и жары закружилась голова. Я немедленно распахнула глаза... и так и оцепенела от изумления.

Мой врачебный кабинет мистическим образом сменился на тесную комнатку с бревенчатыми стенами. Отчаянно пахло какими-то пряными травами и стоял полумрак, а единственное крохотное окошко было запотевшим.

“Похоже на баню,” – отстранённо мелькнуло в голове, и я спохватилась.

Так это ж баня и есть! И мой кабинет как-то в неё превратился!

Но главное было не это. И даже не то, как я тут очутилась.

От того, что предстало моим глазам, все вопросы немедленно выветрились из головы.

На широкой нижней полке лежала очень бледная молодая женщина. Её глаза были прикрыты, и она только едва слышно стонала.

Женщина была обложена охапками каких-то сушеных трав, под голову ей было подсушено полено, а сверху – накинуто плотное лоскутное одеяло. Однако одна деталь упрямо привлекала к себе внимание, а именно – огромный живот женщины, чей контур отчётливо угадывался под одеялом.

– Ты что застыла? – вдруг услышала я злобный свистящий голос и увидела двух старух, которые вынырнули из полутени. Они стояли в изголовье полки, где лежала женщина.

Одна из них выглядела испуганной, а вот вторая буравила меня настолько злым взглядом, что мне стало не по себе.

– Нечего просто так пол топтать! – напустилась она на меня, – Раз тебя прислали сюда на работу, так давай, работай! Шевели своей задницей и быстро тащи сюда плач-полынь! Ну?! Живо!!

– Может, всё-таки не надо? – заикнулась вторая старушка, которая была ниже и явно очень боялась злобную.

– Я так сказала, значит, надо! – отрезала та и вновь заорала на меня:

– Шевелись, кому сказано! Сейчас мой сын явится, и я не смогу по-тихому от Данки избавиться.

“Избавиться,” – гулко откликнулось в голове, и вся ситуация вдруг предстала передо мной во всем своём ужасе. Да и словосочетание “плач-полынь” звучало крайне зловеще.

Избавиться незнакомая бабка хочет вот от неё. От несчастной, которая лежит под одеялом и явно не может разродиться! И бабка эта, похоже, приходится ей свекровью, которая только и ждёт момента, чтобы её извести.

От осознания этого у меня потемнело в глазах, а мир скукожился до одной-единственной точки – невыносимо страдающей молодой женщины, у которой были явные проблемы с тем, чтобы разродиться.

Я врач или кто? Да, пусть я обычный терапевт, но я обязана ей помочь! Клятву Гиппократу никто не отменял.

И начну я с той, кто представляет сейчас наибольшую опасность для бедняжки!

– Значит, так! – жёстко прервала я поток ругани, льющийся от свекрови, – Немедленно замолчите и не лезьте мне под руку. А вы, – повернулась я к робкой старушке, которая молча хлопала глазами рядом, – вы кто?

– Аглая, – пролепетала она, съёжившись под моим натиском, как от удара, – повитуха. Меня госпожа Риббе позвала, чтобы роды у Данки принять, невестки своей...

Свекровь резко умолкла, но уставилась на меня глазами, полными дикой ярости. Мне на это было плевать, мне надо было спасать человека!

– Понятно, – кивнула я, а в голове сразу зашелестел учебник по акушерству, который нам выдавали в вузе. Ох, как давно я его закончила... но, надеюсь, хоть что-то сейчас вспомню, не даром у меня пятёрка по этому предмету была!

– Быстро несите сюда, если у вас есть, стетоскоп, зажимы для пуповины... они у вас обязаны быть... ножницы, стерильные простыни, тонометр, фонендоскоп...

И я осеклась, осознав, что Аглая смотрит на меня глазами, полными ужаса.

– У меня ничего такого нет, – пролепетала она, – вы из столицы приехали, я знаю, у вас там много всего навороченного, а мы своими силами обходимся. Вот ножницы могу принести, портняжные, очень хорошие. А еще воду, нитку, чистые простыни, ну, и все... А, масло, точно! Сейчас притащу, свежее, из-под коровки!

У меня голова пошла кругом. Это что ж за деревня такая отсталая, если они так слова “стетоскоп” перепугались?

Только времени препираться и выяснять не было. Рожаящая Данка вдруг вздрогнула и издала такой жалобный стон, что у меня болезненно сжалось сердце.

На счастье, вернулась запыхавшаяся Аглая, неся кусок масла.

– Вот! – объявила она, – Для осмотра сгодится!

Я скрипнула зубами.

– А руки мне где помыть можно? – сухо спросила я, – У вас хотя бы хлоргексидин есть?

– Не знаю, что такое сгидин, но у меня есть средство получше! – бодро заявила Аглая, – Протяните руки.

Я молча выполнила её просьбу. И тут произошло такое, отчего я едва не рухнула на пол!

Дверь с грохотом впечаталась в стену, а на пороге возник мужской силуэт. Он был таким огромным, что буквально закрыл собой дверной проём, запечатав единственный путь на свободу.

Взгляд незнакомца остановился на мне, и он прорычал:

– Эстель Адони! Наконец-то я тебя нашёл! Теперь ты от меня больше не сбежишь!

Глава 2

Это ещё что за чёрт и почему он хочет помешать мне делать мою работу?! И назвал меня какой-то там Эстель...

Явно же перепутал!

А вообще, не до него сейчас. Потом разберусь. У меня тут пациент в опасности.

Я смерила незнакомца холодным взглядом и отрезала:

– Не до вас сейчас, молодой человек! Выйдите за дверь и закройте её с другой стороны!

А мельком подумалось: ох, а хорош же, чертяка, если так посмотреть! Всё при нём: и статная широкоплечая фигура, и мужественное лицо, и густые тёмные волосы до плеч. Особенно выделялись пронзительные чёрные глаза. В таких хочешь-не хочешь, а утонешь.

Эх, будь я лет на сорок младше...

Но парень тут же испортил всё очарование.

Он явно не ожидал такой отповеди. Не ожидали её и Аглая с Риббе, потому что они замерли, с разинутыми ртами глядя на меня.

– Ох, боги Первозданные... – пролепетала Аглая, – сказануть такое Первому инспектору...

Какой ещё Первый инспектор? Из налоговой, что ли?

Точеная густая бровь «налоговика» подскочила вверх.

– И ты ещё смеешь дерзить? – с нехорошей усмешкой поинтересовался он, – Захотела не только в тюрьму, но и на соляные рудники?

Рудники? Что он несёт?!

Роженица вдруг решила напомнить о себе душераздирающим стоном. Я тут же забыла обо всём остальном и рывкнула на Аглаю:

– Руки! Живо!

Она отмерла и заметалась. Вытащила из-за пазухи какой-то мешочек и щедро обсыпала мне руки белым порошком, похожим на тальк. В воздух взметнулось облако, резко пахнущее ромашкой и камфарой.

Не успела я и глазом моргнуть, как весь порошок растворился на коже, исчезнув без следа.

– Теперь ваши руки чис... чистые, – запнувшись, доложила старушка. Я с недоверием оглядела ладони. Что-то в них смутило меня, но я отбрасывала все посторонние мысли в сторону, как ненужную шелуху.

– Точно чистые? – недоверчиво уточнила я.

Я и впрямь почувствовала поскрипывание кожи. Похоже, руки и впрямь чистые... ладно.

– Всегда этим средством пользуюсь! – обиделась Аглая, – Отлично руки очищает!

– Ладно. Поверю. Теперь тащи нитку, простыни, тёплую воду и ножницы. Всё должно быть идеально чистым и стерильным, – отчеканила я, обратившись к Аглае, – и быстро!

Испуганно пискнув, та исчезла, мистическим образом просочившись мимо «налоговика». А тому, видимо, мой игнор ужасно не понравился.

Мне на плечо тяжело упала его рука, едва не прихлопнув, как муху.

– Хватит изображать идиотку! Ты пойдёшь со мной и объяснишь судье Гарманну, где архивы Библиотеки Совета.

Он от жары спятил, что ли?!

Я ловко вывернулась из-под его хватки, поморщившись от ноющей боли в том месте, где он сдавил моё плечо, и прошипела:

– Слушай, если не собираешься уходить, прикрой хотя бы дверь! И стой около неё, не лезь под руку. Не видишь, я тут спасением двух жизней занимаюсь!

Словно подтверждая мои слова, роженица издала утробный полувовай-полустон. Это подействовало! Инспектор молча шагнул внутрь и захлопнул дверь. Прислонился к стене – мне показалось, что головой аж подпер потолок, настолько он был высоченный – и устремил на меня мрачный взгляд поверх скрещенных рук.

– Так и быть, делай, что надо, – процедил он, – но только попробуй опять от меня сбежать! От меня не скроешься.

Опять?

Впрочем, пусть себе бредит на здоровье. У меня есть дела и поважнее.

– Вы Данка, да? – стараясь говорить как можно более мягко, обратилась я к роженице, склонившись над ней.

Та кое-как разлепила глаза, залитые то ли слезами, то ли потом, и едва-едва кивнула.

– Я сейчас осмотрю вас, – всё так же мягко объяснила я ей, – а потом помогу вашему ребёночку родиться. Уверенна, всё будет хорошо. Давайте, я вам помогу лечь на спину и...

– Да не жалец она! – вдруг завопила над моим ухом свекровь Данки, про которую я уже успела сто раз забыть, – я же говорю, дать ей плач-полыни, и дело с концом! Уйди, я сейчас сама распоряджусь!

Оказывается, старуха подкралась ко мне со спины совсем близко и теперь хищно протянула свои клешни к роженице.

Глаза Данки широко распахнулись, и я поразились тому, как резко она побледнела. Её губы посинели, и она мелко задрожала.

– По... помо... помогите мне, – услышала я едва различимый шёпот.

Меня обуяла страшная тревога за бедняжку и праведный гнев.

Она испугалась за ребёнка и себя! Ну нет, карга, ты у меня никого и пальцем не тронешь!

– Покиньте, пожалуйста, помещение! – процедила я, резко развернувшись к свекрови Данки и прицельно шлёпнула её по рукам, – Мне тут посторонние не нужны!

Старуха вытаращилась на меня, как на какое-то неведомое чудо.

– Это я посторонняя?! – взвизгнула она, – Да я эту голодранку без роду-племени приютила! Накормила! А мой единственный сын возьми и женись на ней! Ещё и ребёнка заделала, тварь такая, чтобы в нашей семье закрепиться. Я её знаю, не моего сына этот ребёнок! На дом мой зарится, оборванка, только шиш получит, а не дом...

И вдруг запнулась, подавившись словами. Я её поняла: я бы сама повела себя точно так же!

За её спиной совершенно бесшумно вырос давешний «налоговик» и легко, как тряпичную куклу, поднял противную старуху за шиворот.

Одной рукой.

Я аж моргнула и глаза протёрла.

У меня что, галлюцинации от жары? Это ж какая силища должна быть, чтобы такую грузную бабку поднять одной рукой?!

Даже Данка впечатлилась, перестала стонать и широко раскрытыми глазами уставилась на эту картину.

– Вам было сказано не мешать, – вкрадчивым, как рокотание далекого грома, произнёс он, – думаю, ничего не случится, если вы подождёте снаружи!

– А... вы... – прозаикалась свекровь Данки и вдруг, встряхнувшись, решительно понеслась в атаку, – я имею полное право тут находиться! Эй!

Вдруг она – нет, не побледнела, а позеленела, увидев инспектора.

«Налоговик» покачал головой и, бросив что-то типа «лекарка сказала, вы мешаете», в одно небрежное движение выставил бабку за дверь.

– Всё? – недружелюбно обратился он ко мне, брезгливо отряхнув руки, – Больше тебе никто не помешает доделать твою работу?

– А... нет, – мотнула я головой, подобрав упавшую челюсть с пола, – спасибо!

И повернулась к Данке, которая уже послушно улеглась на спину, болезненно постанывая.

– Держись, милая, – ласково сказала я и, не без внутреннего содрогания, приступила к делу.

Быстрый осмотр – как через пальпацию, так и внутренний – подтвердили мою худшее опасение: ребёнок Данки находился в ягодичном предлежании, то бишь, был повёрнут на выход не головой, а обратным местом.

И, как следствие, застрял. Схватки были слабыми, но мучительными. Роды застыли.

Я выпрямилась, обтерев дрожащей рукой пот.

– Ну что ж, – хрипло сказала я, – начинается самое сложное...

Глава 3

– Вытянуть его надо! – вякнула под руку повитуха, – Иначе не спасем!

Я так на неё зыркнула, что она аж вспискнула, подавившись собственными словами.

– Ещё одно слово, и вы вылетите за дверь вместе с той, первой, которая обожала под руку лезть, – отчеканила я, – помолчите и дайте мне делать мою работу.

Повитуха замолчала и опустила глаза. Ну что за варварство! Ещё и обижается. Неужели ей невдомёк, что при ягодичном предлежании тянуть ребёнка ни в коем случае нельзя?

Хотя... может, и невдомёк. Может, эта деревня настолько глухая, что прогресс цивилизации дойдёт до них только в следующем веке?

– Милая, – ласково обратилась я к Данке, – мне сейчас очень нужно, чтобы ты оставалась в сознании. Если ты поможешь мне, то и ребёночек родится быстрее. Ты поняла?

Губы молодой женщины, облепленные налётом и искусанные, разлепились. Она попыталась произнести что-то; я тут же наклонилась к ней и услышала слабое-слабое “поняла.”

Отлично.

“А если вдруг понадобится эпидуралка?” – пронзила меня непрошенная мысль, – “Где я её возьму в таком-то месте?”

Спокойно, Ольга Евгеньевна. Об этом подумаешь, если она действительно понадобится. Сейчас ты должна сосредоточиться на другом.

– Сосредоточься на моём голосе, – велела я, – и выполняй всё, что я скажу, хорошо?

Данка кивнула.

Я плохо помню, что именно я говорила. Кажется, по всех подробностях делилась с роженицей рецептом малосольных огурцов. Каюсь, пришлось даже выболтать свой секрет засолки: я всегда добавляю в рассол веточку чабреца, а чеснок кладу прямо в кожуру, только немного придавливаю ножом, держа лезвие плашмя. Чтобы весь сок от чеснока не вышел сразу, а просачивался в рассол постепенно.

Правда, не уверена, что Данка что-то из этого запомнила. Она периодически “уплывала”, растворяясь в боли от накатывающих схваток.

Я бережно возвращала её в реальный мир, не забывая давать чёткие и короткие инструкции.

Повинуясь моим указаниям, Данка встала на четвереньки, чтобы снизить давление на таз. Стоило ей это сделать, как дело пошло веселее.

Аглая охала у меня над ухом, но громко это делать боялась. Видимо, выражение моего лица, с которым я на неё повернулась, было слишком зверским.

До меня то и дело долетало недовольное шипение свекрови Данки из-за двери. В какой-то момент к нему присоединился и незнакомый мужской голос, который показался мне растерянным.

Кто это мог быть? Без понятия, в данный момент меня интересовала только Данка.

Я потеряла счёт времени. Пот лился с меня ручьями, и бабка Аглая догадливо протирала мне лоб, чтобы я чётко видела мир вокруг.

Вот уже показались ножки... тельце...

И в какой-то момент тело Данки содрогнулось в судороге. Она страшно закричала и вытолкнула из себя младенца целиком. Я была начеку и вовремя поддержала его за шейку.

Ловко очистила личико и тельце от крови и слизи. И... руки на мгновение онемели: ребёнок не дышал. Он был полностью синий и лежал у меня в руках неподвижный, как куколка.

К слову, это и была куколка. У Данки родилась дочка.

Всё остановилось. Существовала только молодая мама, я и безымянная девочка, безжизненно лежащая в моих руках.

Кажется, я и сама перестала дышать. Почему-то возникла дикая идея, что своим дыханием я отбираю воздух у младенца...

Но не успела я осознать эту мысль полностью, как девочка шевельнулась, распахнула синие-синие глазки и, издав пару недовольных побряхтываний, вдруг зашлась требовательным криком.

И он показался мне красивейшей музыкой небес!

Откуда-то появились ножницы, сопровождаемые свистящим шёпотом Аглаи: “Чистые! Богами клянусь!”

Выждав нужный момент, я перерезала пуповину дрожащими руками. Перевязала пупочек ниткой, завернула безостановочно кричащую девочку в пелёнку, подsunутую той же Аглаей, и бережно положила на грудь Данки.

– У вас девочка, – пробормотала я дежурные слова.

Та уже перевернулась на спину и, прижав к себе дочку, разрыдалась.

– Спасибо, – пролепетала она, целуя девочку, – спасибо, спасибо, спасибо...

Позади послышался глубокий вздох. Я обернулась и увидела инспектора, про которого уже успела сто раз забыть.

Он был бледным и стоял неестественно прямо. Однако, к его чести надо сказать, что держался он молодцом. По рассказам знакомых акушеров, молодые отцы, которые участвовали в парных родах, валялись в обморок, просто переступив порог родильного зала.

А это даже не отец.

– Даже не представляю, как она всё это выдержала... – вдруг сказал он и замолчал. Я с интересом взглянула на него: это ещё что за неожиданное откровение?

Но инспектор коротко мотнул головой, словно приводя себя в чувство, и сурово бросил мне:

– Вы закончили?

Ответить я не успела. Дверь приоткрылась, и внутрь заглянул незнакомый молодой мужчина с густой копной ярко-рыжих волос. Я вдруг отстранённо вспомнила, что волосёнки у новорожденной тоже были рыжими.

– Как она? – сбивчиво поинтересовался он у меня. Губы у него прыгали, – Как моя Дани?

Я не успела ответить. Мужчину властно отпихнула Данкина свекровь со злобным “Ишь, растопырился тут на весь проход! Пропусти мать!”

Она попыталась просочиться внутрь, но я была начеку и преградила ей путь, удержав дверь.

Сзади померещилось движение: точно! Это был инспектор, который молча встал за моим правым плечом и хмуро уставился на бабку.

– Спасибо, – одними губами поблагодарила я его и уже громче обратилась к ней:

– Вход воспрещён! Молодой матери и новорожденной требуется покой и отдых. Приходите в специальные часы для посещения, а пока я настоятельно прошу вас уйти.

Старуха меня будто бы не слышала.

– Новорожденной? – переспросила она, – У Данки что, девчонка родилась?

И – это поразило меня больше всего – обрадованно потёрла руки. Её лицо исказила зло-радная усмешка, какую я видела только на картинках про злобых ведьм.

– Это же просто чудесно, – прокаркала она, – теперь Данке точно не жить!

Глава 4

– Что, простите? – мне показалось, что я ослышалась, – Если это шутка, то очень неудачная! Впредь не советую так шутить. Выйдите в..

– Она девчонку родила! – перебила меня бабка и ткнула узловатым пальцем в съёжившуюся Данку, – А у нас в роду первенцы всегда рождаются мальчишками! Значит, нагулянный младенец, ещё и демон!

От мракобесия, которое лилось из рта тетки, у меня голова пошла кругом. Аглая, жавшаяся в углу, воспользовалась моментом и тенью вышмыгнула вон.

– Какой ещё демон? – пожалуй, чересчур громко рявкнула я, – Что за бред вы несёте?

Тётка прищурилась и кивнула на окно. Я обернулась и охнула про себя: там была крошечная тьма. И когда только день успел закончиться? Сколько времени я вообще провозилась с Данкой?!

– Девчонка ночью родилась, – проскрипела старуха, – всем известно, что ночью рождаются только демоны! Ишь ты, сама лекарка, а не знает элементарных вещей!

И с превосходством глянула на меня.

– Запихните младенца обратно, подождите немного и пусть родится днём, – вдруг хмыкнул “налоговик”, с интересом прислушивающийся к нашему разговору.

– А что, так можно? – вдруг воодушевилась старуха и повернулась ко мне, – Давай, организуем!

– Так нельзя! – отрезала я, поразившись дремучести тетки. – Вы что, совсем сбрендили?!

И инспектор хорош! Влез со своими шуточками, когда вообще было не к месту.

– Отдай тогда Данку, – злобно прошипела тётка, – я сама разберусь, что делать с ней и её демонёнком!

Я решительно сложила руки на груди и отчеканила:

– Нет. Я сколько раз повторять должна, чтобы до вас дошло? Идите домой и чтобы я вас тут в ближайшие два дня не видела. И не звоните Данке со своими глупостями! Телефон её у меня побудет.

На самом деле, я не видела никакого мобильного у Данки, но она его просто наверняка спрятала где-то вне парилки. Не может такого быть, чтобы она была совсем без телефона.

Бабка умолкла и недоумённо переспросила:

– Телефон? Что это такое?

– Средство связи... – машинально принялась объяснять я и тут же спохватилась. Ещё не хватало проводить совершенно ненужный ликбез на пороге родильного отделения, пусть и импровизированного.

– Отдохните и вспомните, – категорично оборвала я сама себя, – а теперь – до свидания.

Бабка пыталась было ещё посопротивляться, но “налоговик” молча схватил её за плечи и в один присест выставил за дверь. Послышалась яростная, но короткая тирада несогласия, потом мужской голос что-то пробормотал. Старушечий голос выверился на него, дробно простучали шаги и всё стихло.

Я опустилась на краешек лежанки и выдохнула. От пережитого заболели плечи, а руки затряслись. Данка уснула, прижимая к себе дочку. Та тоже сладко посапывала, смешно морща носик.

Мельком отметив, что носики у них с мамой одинаковые, я подняла голову и вздрогнула.

Надо мной нависал инспектор. Он подкрался совсем бесшумно и теперь возвышался, как гора, подпирающая вершиной потолок бани.

И он возмутительно хорошо выглядел! На его лбу не было даже испарины, а в парной по-прежнему стояла тропическая жара.

При взгляде на него сердце опять сладко заныло. Нравятся мне такие мужчины: чтобы и красивые, и без намёка на слащавость, а наоборот, просто-таки пышущие мужественностью и суровостью.

Вот только он младше меня раза в два, как минимум. Эх!

Откуда он только взялся? А откуда взялась деревня и Данка с её свекровью? Я всё больше и больше склонялась к мысли о том, что просто уснула за рабочим столом и теперь вижу до жути подробный красочный сон.

Но тут инспектор открыл рот, и всё впечатление о нём испарилось.

– Теперь нам ничего не мешает, – негромко, но веско заявил он, – прямо сейчас ты отправишься со мной.

Я устало посмотрела на него снизу вверх.

– Я бы с удовольствием, – пожала плечами, – за вами – хоть на край света. Вот только, хоть убейте, не понимаю, зачем я вам понадобилась. Я же обычный терапевт. Работаю в районной поликлинике. Взятки я никогда не брала. Липовых больничных не оформляла. Запрещёнными лекарствами не торговала. Что хоть случилось? Стуканул на меня кто?

Говорила, а сама чувствовала, как усталость наваливается всё сильнее. Очень захотелось прикорнуть рядом с Данкой. Никогда не слышала о таком, чтобы людям и во сне хотелось спать!

– Твоя болтовня тебе не поможет, – сурово отрезал он, – я наслышан о том, каких сказок ты можешь наплести, чтобы отвертеться от тюрьмы. Только со мной такое не прокатит. Ты идёшь со мной прямо сейчас!

И больно схватил меня за плечо и рывком поднял с полки.

– Эй! – я принялась яростно выдираться, – Вы что себе позволяете!

– Я в полном праве, – сообщил мне грубиян, – ты, видимо, ещё не поняла, кто я такой и как сильно ты влипла! Имя Ашхара Хана тебе должно обо всём сказать.

Странное имя. Да и у всех остальных имена тоже диковинные...

– Мне оно ни о чём не говорит, – пожала я плечами и дёрнулась изо всех сил. Бесполезно. У него что, пальцы стальные? – пустите! Данку нельзя оставлять одну, тут, похоже, нет медсестёр, а ей в любой момент может понадобиться медицинская помощь.

Этот аргумент подействовал.

Ашхар вдруг остановился и, подозрительно прищурившись, окинул меня цепким взглядом с головы до ног.

– Как, говоришь, тебя зовут? – вкрадчиво спросил он.

– Не помню, чтобы я представлялась, – сердито сказала я, – я Ольга Евгеньевна Замятина. Шестьдесят два года. Терапевт. Тридцать лет оттрубила на одном месте... Эй, сейчас-то что?!

Не дослушав, Хан вытолкнул меня из парилки. Мы очутились в просторном предбаннике с бревенчатыми стенами.

На одной из стен висело зеркало, к которому он меня и подтащил.

– Ну? – хмыкнул он, – Это разве похоже на шестьдесят два года?

Я уставилась на своё отражение и в панике вскрикнула.

Глава 5

А кричать было, от чего!

Из зеркала на меня смотрела незнакомая молодая девушка с длинными каштановыми волосами. Они были заколоты в высокий тугой пучок. На ней было простенькое светло-серое платье до пола, похожее на те, которые носили лет... двести назад?

“Она что, из музея его стащила?” – мелькнула неуместная мысль.

Машинально провела рукой по юбке платья, ощутив ткань. На лён похожа.

Девушка в зеркале повторила жест, и мне вдруг стало жутко.

– Это кто? – бестолково спросила я. Наклонилась близко-близко к зеркальной поверхности и вздрогнула от того, что зеркальная незнакомка проделала то же самое. Отпрянула, чтобы случайно не коснуться её.

– Ты себя не узнаёшь? – хмыкнул за спиной Хан.

– Не узнаю! – сердито сказала я, – Я вообще выгляжу не так! И я старше на много лет, а этой девице сколько? Лет двадцать? Если это какая-то изощренная шутка, то требую немедленно прекратить и вернуть меня на моё место. Я уже не в том возрасте, чтобы играть в эти ваши игры.

И осеклась. Похоже, это всё-таки сон, но только кошмарно реалистичный. Не может же подобное происходить в реальности! Ну точно, я вот-вот проснусь и вновь увижу свой кабинет.

И пациентов, сидящих перед ним в очереди...

Нет, надо всё-таки проверить!

– Эй, ты что задумала? – вдруг рявкнул Хан.

Я подняла руку и сильно, с вывертом, ущипнула себя за шею.

– Ай! – вскрикнула от боли и увидела в зеркале, как на пострадавшей коже наливается красное пятно.

Инспектор, скрестив руки на широченной груди, скептически наблюдал за моими манипуляциями.

Под его пристальным взглядом мне стало совсем нехорошо. Захотелось упасть, укатиться в угол и уснуть – крепко-крепко, чтобы на следующий день всё вернулось на круги своя.

– Послушайте, – тихо сказала я, – я понятия не имею, что случилось и как я оказалась здесь. В этом теле. Я Ольга Евгеньевна Замятина...

– Это я уже слышал, – оборвал меня Хан, – и меня поражает настойчивость, с которой ты продолжаешь это утверждать. Хочешь сказать, что ты не Эстель Адони?

– Нет! – замотала я головой, потому что его недоверие меня уже порядком утомило, – Понятия не имею, кто такая эта Эстель. Мне ещё раз повторить? Я Ольга Евгеньевна...

Тут за стеной застонала Данка. Я тут же спохватилась: нельзя надолго её оставлять!

Тут же взяла себя в руки и вернулась в привычный образ строгого и внимательного врача.

– Господин Хан, – строго сказала я и решительно взглянула в глаза суровому инспектору, – мы можем поговорить позже? У меня на руках только что родившая женщина. Вы и сами всё видели. Мне нужно позаботиться о ней, потому что медсестёр я тут не вижу.

На лице Хана отразилась целая гамма эмоций. Его глаза быстро пробежали по мне, и я поёжилась от ощущения, что меня только что просканировали, как рентгеном. Брови недоверчиво нахмурились, между ними пролегла складка. Однако взгляд едва заметно потеплел, и я нутром почуяла если не доверие к моим словам, то, по крайней мере, уменьшение агрессии.

– Будь я проклят, но я почти готов тебе поверить, – негромко и хрипло сказал он, – не могу пока объяснить, почему... ладно.

Он вдруг без предупреждения схватил меня за шею. Я вскрикнула от неожиданности и паники; забилась в его хватке и заколотила по руке, пытаясь заставить отпустить.

Бесполезно. С тем же успехом я могла бы сопротивляться стальным тискам. Что на него нашло?! Вроде бы, начали по-человечески общаться.

– Не дёргайся, – рыкнул инспектор, – иначе будет хуже.

Хуже?! Хотя бы объяснил, что вообще собирается делать.

Вдруг я ощутила, как шею сдавило огненное кольцо. Оно обожгло кожу и безжалостно стиснуло так, словно это уже не Хан пытался меня задушить, а оно само.

Но это ощущение исчезло через пару мгновений после того, как возникло.

– Теперь ты никуда не денешься, – удовлетворённо сказал инспектор и разжал пальцы. Отступил на шаг назад и сощурился, словно оценивая то, что сделал. Я же схватилась за шею, в ужасе ожидая нащупать что-то непоправимое, но... пальцы ощутили только гладкую, чуть прохладную кожу.

А вот зеркало показало, что кое-что всё-таки изменилось. Теперь шею опоясывала тонкая чёрная цепочка из странного вида то ли букв, то ли рун. Они были больше похожи на закорючки, оцетинившиеся шипами.

И эти самые руны намертво впечатались в кожу, словно это была татуировка, причём, свежая.

– Это ещё что такое? – ахнула я, в ужасе ощупывая шею, – как это понимать? Вы же сказали, что готовы мне поверить. В ваши полномочия входит и такое варварство?

Пальцы тряслись – больше от непонимания происходящего, чем от страха, хотя и он тоже присутствовал.

Куда это я загремела, что здесь с людьми обращаются таким вот образом?!

– Я сказал, что почти готов поверить, – перебил меня Хан, – но у Эстель Адони слишком уж плохая репутация, чтобы верить первому же её объяснению.

– Да что же такого натворила эта самая Эстель? – пробормотала я, уже готовая услышать всё, что угодно.

Инспектор ответил не сразу. Он выдержал паузу, словно решая, стоит ли делиться со мной всей информацией или нет. Однако же решился.

– Подделка документов, подпольные медицинские процедуры, помощь беглым преступникам, торговля запрещёнными препаратами, – подняв глаза к потолку, методично перечислил Хан, – а потом ещё и похищение архивов Библиотеки Совета. Сама понимаешь, что выговором тут ты не отделаешься.

От услышанного у меня волосы на голове зашевелились. И меня угораздило попасть в тело беглой преступницы? Да это, похоже, моё личное наказание, только я ещё пока не поняла, за что!

В памяти шевельнулось какое-то смутное воспоминание. Что-то случилось тогда, прямо перед тем, как я очнулась в этом мире... но что именно?

– И всё же вы решили мне поверить, – пробормотала я, – с такой-то репутацией Эстель... Хан прищурился.

– Решил, – коротко подтвердил он, – на то есть причина.

– Какая? – с невольным любопытством спросила я и тут же оторопела, услышав ответ... Нет, такого просто не может быть!

Глава 6

– В нашем мире уже был подобный случай, – абсолютно будничным тоном, как будто речь шла о походе за хлебом, сказал Хан, – женщина из другого мира каким-то образом очутилась в теле девушки из этого.

Я уставилась на него, не веря своим ушам.

Не знаю, что меня потрясло больше: то, что мой случай – не единичный, или то, что в этом мире есть, как минимум, один человек, переживший подобный опыт!

– Как я могу её найти? – быстро спросила я, – Она живёт где-то неподалёку? Мне очень нужно с ней встретиться!

– Остынь! – резко велел мне Хан, – это невозможно. Сейчас, по крайней мере.

– Почему? – возмутилась я. Сердце колотилось, как ненормальное: неужели тут есть та, которая поможет мне разобраться во всей этой катавасии?

– Потому что, во-первых, ты могла и раньше услышать эту историю и прикрыться ей, – отрезал инспектор, – во-вторых, теперь ты под моим надзором и проведешь в этой деревне месяц. За это время тебе нужно будет доказать мне свою благонадежность. Я видел, как ты, – он кивнул на дверь, за которой была Данка с младенцем, – управлялась с этой женщиной, но одного случая мне не достаточно. Работай на благо местных, а я уже потом решу, снимать ли с тебя обвинения.

Я стояла, молча глядя на него, чувствуя себя пришибленно. Меня охватило ощущение, что я вляпалась по самое горло в какую-то несусветную кашу, и теперь вокруг сжимались железные тиски.

Угодила в тело молодой девушки – ладно, это я могу худо-бедно принять, хотя это уже звучит, как безумие. Но то, что эта девушка окажется преступницей, из-за которой я сразу получу мириады проблем – нет, к такому меня жизнь точно не готовила!

Может, это всё-таки сон? Пожалуйста, пусть это будет сон!

Я даже вновь ущипнула себя, но ничего не исчезло.

Ладно...

Ладно! Будем действовать, исходя из сложившейся ситуации.

– А если вам покажется, что я недостаточно благонадёжна? – хмуро спросила я, стараясь поменьше поглядывать на инспектора. Но борьба с собой была бесполезна и только выматывала: уж слишком уж он был привлекателен. Вдобавок, добавились и какие-то чересчур неуместные фривольные мысли: мол, у меня же теперь молодое тело, может, есть шанс...

Нет. Нет, нет и нет! Никаких шансов, никакого флирта, Ольга Евгеньевна! Держите себя в руках и сосредоточьтесь на том, чтобы выкарабкаться отсюда.

– Если мне так покажется, – нехорошо усмехнулся Хан, не догадывающийся о моих мыслях, – тогда ты, уже как Эстель Адони, отправишься на суд. К обвинениям во всех перечисленных преступлениях прибавится ещё и попытка обмануть Верховного инспектора. Если это произойдёт – а шанс очень высокий, учитывая твою репутацию – то я тебе не позавидую. Окончишь жизнь в соляных рудниках, и шанс на это неиллюзорный.

Я сглотнула. Тряхнула головой, с огромным усилием отгоняя прочь жуткие картины, которые тут же нарисовались в подсознании.

– Я сделаю так, чтобы вы не просто убедились в моей благонадёжности, но и сами принесли извинения, – решительно сказала я.

Хан вздёрнул бровь.

– Смелое заявление, – сухо сказал он, – ну, в таком случае пожелаю тебе только удачи. Она тебе понадобится. Можешь сразу разузнать у этой Аглаи, которую ты напугала, что тебе полагается, как приехавшей сюда работать выпускнице Академии.

О. Ого! Спасибо, что натолкнул на мысль.

– Благодарю за идею, – кивнула я и развернулась, чтобы уйти.

В спину мне прилетело скептическое хмыканье инспектора. Он ни на секунду в меня не верил! И это ужасно бесило.

Я взялась за ручку двери парной и тут же обернулась, вспомнив ещё кое-что.

– Последний вопрос, – холодно сказала я, – какое действие у этого... ошейника, который вы на меня повесили?

– Странно, что ты раньше не спросила, – глаза Хана сощурились, словно он разглядывал какую-то диковинную тварюшку, – это Ошейник Паррапео, такой мы используем для того, чтобы держать в узде отпетых преступников и заставлять их подчиняться закону. Если ты вдруг вздумаешь дать дёру и выйдешь за пределы деревни, Ошейник сожмётся и придушит тебя. Даже пикнуть не успеешь.

Рука машинально поднялась, чтобы дотронуться до шеи. Но коварство Ошейника было ещё и в том, что его было невозможно нащупать. Кожа как кожа, на которую просто нанесён рисунок.

– Всё ясно, – мрачно бросила я, – что ж, инспектор, хорошего вам дня... ночи, а меня ждёт пациентка. Не могу сказать, что приятно было пообщаться.

Хан только кивнул, не сводя с меня изучающего взгляда. Между лопаток почему-то шмыгнул мороз, и я шмыгнула в парную.

Данка лежала на боку, аккуратно поддерживая свою крохотную дочку за головку. Девочка жадно пила молоко, изредка дрыгая ножками. У меня тут же отлегло от души: ребенок нашел грудь, это уже хорошо!

На секунду умилившись этой идиллической картине, я тут же спохватилась.

Данка неправильно держала ребёнка! Она держала её за голову, а сама девочка лежала на спине, повернув голову вбок. Этак она ещё проблемы с шеей заработает.

Уж эти нюансы я помнила – основы акушерства и гинекологии у нас преподавала очень въедливая профессор, которая обожала показывать разные картинки для иллюстрации своих лекций. Малышка лежала ровно в такой же позе, как и на одной из картинок с иллюстрациями неправильного прикладывания ребенка к груди.

– Разреши, пожалуйста, – мягко попросила я молодую маму и потянулась к ребёнку. Но Данка, взглянув на меня полными ужаса глазами, инстинктивно прижала к себе младенца и хрипло сказала:

– Не отдам! Уйди!

– Послушай, – ласково сказала я и присела рядом, – я не собираюсь отнимать у тебя девочку. Просто хочу показать, как её надо правильно держать при кормлении, чтобы в будущем не было проблем. Разрешешь мне?

Данка поколебалась, но неохотно разрешила.

Объяснив и показав ей, как нужно держать ребёнка, я быстро осмотрела роженицу.

Крови было немного – отличный признак. Температуры тоже не было. Сейчас надо как-нибудь организовать отдельную комнату для Данки с ребёнком, чтобы и она смогла нормально отдохнуть, и девочка была бы всегда с ней.

А мне нужно будет по максимуму контролировать состояние молодой мамы. Отсутствие кровотечения и температуры – это отлично, но нет никаких гарантий, что это всё не вылезет позже...

И обязательно надо организовать гигиену и для матери, и для ребёнка.

Интересно, инспектор всё ещё стоит за дверью?

Эта мысль крайне неуместно влезла, растолкав остальные, и я с негодованием отвергла её. И чего мне в голову только взбредает?..

– Госпожа доктор! – дверь в парилку приоткрылась на миллиметр, и я увидела любопытный нос Аглаи, – тут это самое... пришёл муж Данки.

От меня не укрылось, как просияло лицо молодой матери, и с какой нежностью она взглянула на дочку.

У меня же были не самые радужные чувства. Я вспомнила госпожу Риббе, которая очень недвусмысленно порывалась сжить Данку со свету и уже заранее ненавидела ни в чём не повинного младенца. Вспомнила и мужской голос, что-то слабо лепетавший под натиском гневного ора Риббе.

Может, это и был Данкин муж?

– Муж? – отрывисто спросила я, – Что он хочет?

– Он это... – пробормотала Аглая, – пришёл с посланием от матери. И хочет видеть не только Данку, но и вас!

Глава 7

– Опять Риббе всплыла? – удивилась я, – Ну хорошо, поговорим. Но прежде надо решить один важный вопрос.

Глаза Аглаи округлились.

– Как? Вы не побежите скорее узнать, что она от вас хочет? Она очень не любит, когда её заставляют ждать!

– Пусть привыкает, – отрезала я, – Сейчас важнее всего – жизнь и здоровье Данки и её дочки. Риббе подождёт, не переломится.

Аглая уставилась на меня, как на привидение. Она была так изумлена, что у неё даже рот приоткрылся.

Я не стала ждать, пока она отойдёт от шока, а просто принялась раздавать указания.

– Прежде всего, организуйте, пожалуйста, отдельную палату... тьфу ты, комнату для роженицы и ребёнка. Есть такая возможность?

Аглая нахмурилась.

– Ну, у нас есть гаспитоль, мы туда больных кладём. Сейчас, хвала богам, время спокойное, никто особо не хворает, так что он пустует.

– Гаспитоль? – нахмурилась я, – А-а-а! Госпиталь. Отлично. Подготовьте там, пожалуйста, помещение для Данки.

Аглая пожевала губами, но кивнула, как мне показалось, неохотно. Она уже полностью просочилась в парную, прикрыла за собой дверь и сложила руки на груди.

– Ещё что-то? – спросила она.

– Да. Ромашка, календула, тысячелистник или кора дуба под рукой есть?

Лоб Аглаи наморщился, и она беззвучно зашевелила губами, проговаривая названия трав.

– Ничего из этого не знаю, – сердито призналась она, – из похожего кора дубняка есть, на нём ещё жёлуди растут. Подойдёт?

ТЬфу ты. Я так погрузилась в раздачу ценных указаний, что и забыла, что в другом мире. Надо потом тщательно разузнать, как у них тут называются привычные травы.

Кстати, а почему это я так хорошо понимаю местных, а они – меня? Наверное, дело в том, что я в теле местной жительницы.

– Если жёлуди, тогда точно то, что нужно, – кивнула я, – берёте ложку мелко измельчённой коры на стакан воды, кипятите полчаса и остужаете. Каждые два часа отвар менять на свежий, давать Данке, чтобы она подмывалась каждый раз после посещения туалета. И да, первый раз дать сразу же, чтобы она смыла всю грязь.

Аглая кивала, слушая меня, но вид у неё становился всё недовольнее и недовольнее. Похоже, то, что я не разбиралась в здешних реалиях, её здорово настораживало.

– Младенчика не надо искупать? – с совсем уж хмурым видом осведомилась она.

– Обязательно! – обрадовалась я. Конечно, девочку обтёрли, но помыть её тоже очень нужно, – Тогда понадобится отвар череды...

– Мы для этого завариваем двоезуб! – прервала меня Аглая, – Никакой реды.

Я только вздохнула. Не сомневаюсь, что двоезубом они череду и называют, недаром её семена выглядят, как голова, выпустившая два острых зуба.

– Значит, завари двоезуб, – терпеливо сказала я, – и Данке тоже его отвар подавайте, для подмывания. Лучше всего чередовать дубняк и двоезуб, поняла?

– Поняла, – хмуро отозвалась повитуха и повернулась к двери, – ну, значит, я пойду, комнату в гаспитоли готовить... кстати, Данке-то грушовицы принести прям щас сразу или подождать, пока они с дочкой устроятся?

Я почуяла неладное.

– Какой-такой грушовицы? Это компот такой, что ли?

Аглая повернулась обратно и удивлённо уставилась на меня.

– Ну вы даёте, доктор, – протянула она, – неужели никогда не пробовали? Это ж самый, что ни на есть, целебный напиток! В том году отменный урожай груш был, много переспелых получилось, я их них много браги перегнала, и получилось семь бутылей отменной грушовицы!

Глаза у Аглаи заблестели, а лицо разрумянилось. О грушовице она говорила с нескрываемым удовольствием.

– Так и быть, для Данки раскупорю одну, – причмокнула она от восторга, – от сердца, можно сказать, оторву. Известно же: грушовицу надо обязательно только что родившей бабе дать, чтобы молока много было!

У меня в глазах потемнело. Похоже, под красивым названием грушовица скрывается самый обычный самогон! Пусть и настоящий на грушах!

– Это ещё что за мракобесие?! – рявкнула я. Правда, шёпотом, чтобы не напугать новорожденную, – Держите подальше эту дрянь от Данки! И от других рожениц! Господи, да вы тут наверняка уже перетравили всех в округе...

И схватилась за голову, представив себе масштабы бедствия.

Похоже, мне придётся ещё и эти дремучие суеверия из них выкорчёвывать. Кошмар какой!

Аглая смотрела на меня с таким осуждением, словно я украла её любимую кошку.

– Что, и пива тоже тёмного нельзя? – с невероятной обидой уточнила она, – Тоже хорошее средство для молока!

– Нет! – я уже готова была рычать и кусаться, – Ни пива, ни грушовицы, ни-че-го! Только тёплая вода! И вообще, любой алкоголь – это яд, это я вам, как доктор, говорю! Выкиньте все свои бутылки вон!

– Ладно-ладно, – попятилась Аглая. Она уже смотрела на меня, как на умалишённую, – уговорили...

Но по её глазам я видела – она не собиралась просто так покорно следовать моим распоряжениям. От этого осознания внутри всё сжалось от тревоги: я прямо-таки воочию увидела, как она прокрадывается в палату к Данке и втихую, воровато оглядываясь, даёт ей отхлебнуть мутного пойла из бутылки, припрятанной за пазухой.

Блин, сколько же опасностей тут подстерегает беднягу! С одной стороны, свекровь лютует, с другой – вот такие вот аглаи с грушовицей наперевес караулят.

– Значит, так, – чувствуя неимоверную усталость, сказала я, – у вас в деревне есть ещё кто-то сообразительный, кто разбирается в медицине?

Аглая вдруг обиженно сморщилась.

– А что? – с вызовом спросила она, – Я уже не устраиваю, да? Как помогать при родах, так зовите бабу Аглаю, а как порядки в гаспитоли наводить, так пошла вон, значит?!

Так. Дело принимает рискованный оборот. Надо быстро купировать эту обиду, а то с Аглам ещё станет затаить обиду и напакостить.

– Что вы, – успокаивающим тоном зашептала я, – наоборот, я забочусь о вас! Ваше дело, как повитухи, принимать роды, а обо всём остальном может и помощник позаботиться. Вам и отдохнуть не помешает, а то вдруг ещё кто-нибудь вздумает родить!

Про себя же я твёрдо решила отслеживать все случаи родов в округе и не подпускать Аглаю и на пушечный выстрел к ним.

Повитуха заметно расслабилась, а её лицо расплылось в довольной улыбке.

– Это верно говоришь, – проворковала она, – я тогда племянку свою приведу. Она хоть и молодая, но в лекарском деле тоже кой-чего понимает. Давно её хотела пристроить, так пусть нам с тобой помогает.

– Ну и отлично, – улыбнулась я, – ну и договорились. А теперь побудьте, пожалуйста, с Данкой, а я пойду увижусь с её мужем. Только без глупостей!

– Ладно-ладно, – проворчала старуха и вразвалку пошла к роженице. Я смахнула пот со лба и выскользнула за дверь.

И там меня ждал сюрприз ещё похлеще грушовицы!

Глава 8

В предбаннике маялся молодой мужчина в богато расшитом сюртуке. Вид у него был крайне взволнованный и даже испуганный. В глаза бросилась крайняя бледность на интеллигентном лице, которую только подчёркивала аккуратная рыжая борода.

Я не могла не заметить и того, что сюртук был застёгнут криво, а волосы топорщились. Как будто он в спешке выбегал из дома, мало заботясь о внешнем виде.

Стоило мне выйти за дверь, как он со всех ног кинулся ко мне.

– Доктор! Вы же доктор? Скажите, как там Даниэлла? С ней всё в порядке? А что с ребёнком?

Ага, значит, полное имя Данки – Даниэлла. Буду знать.

– Погодите, – я выставила вперёд руку, остановив его, – для начала представьтесь.

– А... да, прошу прощения. Меня зовут Михаэль Риббе, я муж Даниэллы и отец новорожденной девочки!

Мужчина схватился за воздух над головой, видимо, желая снять шляпу. Не найдя её на месте, он покраснел и просто склонил голову.

– На данный момент состояние стабильное, жизни матери и ребёнка ничего не угрожает, – выпалила я заученную фразу прежде, чем успела сообразить, что надо было выразиться помягче.

И точно. Мужчина уже даже не побледнел, а посерел.

– То есть, угроза всё-таки была? – сипло выдавил он. Я замахала руками:

– Я же сказала, что сейчас всё в норме. Даниэлле и вашу дочь переведут в отдельную комнату, я прослежу, чтобы за ними был обеспечен квалифицированный уход.

На язык, правда, прыгнул ещё один ответ.

“Главная угроза Данке и вашей дочке – ваша мать.”

Но я благоразумно придержала это при себе.

На его лице отразилось облегчение. Он кивнул, хотя и было видно, что через силу.

Хм, значит, и слово квалифицированный знакомо? Отлично.

– Огромное спасибо вам, доктор, – выдохнул Михаэль, – нам невероятно повезло, что вы оказались рядом и сумели помочь моей дочери родиться...

Дверь парилки открылась, и из-за неё вышла Данка. Несмотря на бледность, она выглядела намного лучше, чем до этого. Она была одета в серое мешковатое платье, и держала в руках кряхтящий свёрток. Сзади маячила бабка Аглая, добродушно приговаривающая:

– Не бойся! Иди-иди потихоньку, переставляй ноги! Сейчас ляжешь в кровать и всласть отоспишься!

Данка её не слушала. При виде Михаэля её лицо просияло.

– Мик! – радостно воскликнула она. Хотя “воскликнула” – это слишком громко сказано... скорее, проговорила с улыбкой.

– Дани! – Михаэль бросился к ней и обнял с такой нежностью, что у меня невольно защемило сердце. Даниэлла, улыбаясь, слегка отстранилась, показав, что боится, как бы не навредить малышке.

При виде дочери лицо мужчины озарилось такой улыбкой, что у меня отлегло от сердца. Похоже, что он остался глух к злобным речам своей мамы.

– Она прекрасна! – прошептал он, в восхищении глядя на девочку. Мне был виден только её носик, и тот смешно сморщился. Малышка опять закряхтела.

– Ну-ну! – бабка Аглая легонько подпихнула Данку в спину, – Потом налюбуетесь! Сейчас им отдохнуть надо и как следует помыться!

– Кстати! – вдруг вспомнила я, – Аглая!

– Ась? – обернулась ко мне повитуха.

– У вас есть весы? Надо взвесить малышку...

Бабка пожевала губами.

– Весов не держим, – сообщила она, – но есть Яцык, он вес определяет точнѐхонько. Я его завтра позову. Пусть взвесит девчонку, мы часто его об этом просим.

– А Яцык – это кто? – с сомнением спросила я, памятуя о нашей перепалке с грушовойцей.

– Фермер местный, – с гордостью сказала Аглая, – он свиней разводит, у него каждый поросёнок взвешен и подсчитан!

– Нет-нет-нет, – поспешила откреститься я, – давайте обойдѐмся без Яцыка. Дети – это не поросята!

Аглая пожала плечами и увела Данку прочь. Они с Михаэлем никак не хотели разжимать объятия, и глядя на то, с какой любовью оба смотрят друг на друга и на дочку, я немного перевела дух.

Когда за повитухой и молодой женщиной закрылась дверь, я повернулась к Михаэлю и требовательно сказала, кивнув на скамью у стены:

– Присаживайтесь, господин Риббе. Я хочу с вами серьёзно поговорить.

– Понимаю, – покаянно склонил голову мужчина, – о моей матери?

– Совершенно верно! – отчеканила я, – вы же наверняка видели ту безобразную сцену, которую она тут устроила. У меня сразу два вопроса: почему вы ничего не сделали, чтобы защитить вашу любимую – а я вижу, что вы её любите – жену? И почему позволили вашей матери вообще так грубо лезть в вашу семейную жизнь?

Михаэль кивал в такт моим словам, и с каждым новым тактом становился всё более и более понурым.

– Видите ли, – пробормотал он, – я растерялся. Это наш с Дани первый ребёнок. Так-то мы живѐм отдельно, в своём доме, который я построил на свои деньги – а я занимаюсь лесопильным делом и хорошо зарабатываю. Но мама явилась к нам неожиданно-негаданно, сказала, что хочет побыть рядом с Дани, дожидаться появления внука... когда начались роды, она опередила меня и сама повезла Дани к повитухе. Остальное вы видели.

Я только головой покачала. Михаэль показался мне хорошим парнем, но каким-то слишком бесхребетным, когда речь заходила о его матери.

Нет, с этим надо было что-то немедленно предпринимать. Ежу было понятно, что све-кровь никуда не делась и дожидается, когда Данка вернѐтся. А что уж она намерена предпринять...

– Кстати! – вдруг спохватился Михаэль, – У меня же для вас письмо от мамы! Она очень просила передать вам его лично.

Он вытащил из-за пазухи и протянул мне белый конверт. Я скептически глянула на него и открыла. Извлекла листок, густо пахнущий какими-то приторными духами, и прочитала текст на нём.

Он был коротким. Но от того, что там было написано, волосы у меня встали дыбом!

Глава 9

“Ты знаешь, что родилось не дитя, а порождение ночи. Девка принесла в дом тьму и позор. Ночью, как уснёт, выкради её отродье. Сама свари и дай Данке зелья забвения. Если не знаешь, как, спроси у Аглаи, она поможет.

Данку вытолкай на улицу, пусть бродяжит. Всё равно ещё долго ничего не вспомнит. Забрёт подальше от нормальных людей и сгинет, туда ей и дорога. Не знаю, от кого она понесла это отродье, оно не от моего сына. А к тебе сегодня ночью придёт от меня человек. Отродье ему отдашь, он знает, что с ним делать. Делай, как я сказала, иначе я тебе такую весёлую жизнь устрою, ты пожалеешь, что сама на этот свет родилась!”

Когда я дочитала, руки у меня уже тряслись так, что бумага затрепыхалась, как лист на ветру.

Вот же старая карга!

И как только руки повернулись такое написать?!

Нет, как мозги повернулись такое придумать?!

Так, где там этот инспектор шатается? Как там его? Аш... Шах... Хан! Ткну его носом в эту писульку, пусть арестует бабку!

– Госпожа доктор! – услышала я робкий голос Михаэля и, вздрогнув, очнулась. Непонимающе заморгав, посмотрела на него; он встревоженно разглядывал меня.

– Всё в порядке? Вы так побледнели...

– Вы это видели? – злобно спросила я, даже не потрудившись смягчить голос, – Вы это читали?!

И помахала перед ним злосчастным листком.

Михаэль в ужасе посмотрел на него и отчаянно потряс головой.

– Конечно, нет! Как можно! Это же письмо мама для вас написала, нельзя лезть в чужую переписку...

– Ну так читайте! – рявкнула я и сунула ему листок. Он послушно опустил глаза, пробежался взглядом по строчкам. Бледность сползла с его лица, и оно приобрело оттенок молодого сыра с зеленью.

– Ну, что? – ядовито спросила я, когда он поднял на меня даже не круглые, а квадратные от шока глаза, – Оценили?

– Это... это... – пролепетал он, – Это и правда написала мама?! Я не верю!

– То есть, вы видели и слышали её истерику, которую она устроила после рождения вашей дочери. Теперь прочитали это письмо. И до сих пор не верите? Это её почерк?

– Да, но...

– До свадьбы она нормально относилась к Даниэлле?

– Она хотела, чтобы я женился на Иветте, – еле слышно проговорил Михаэль, – это дочка богатого скотопромышленника. У мамы с ним был заключен договор ещё до моего рождения. Но потом я вырос, уехал в столицу учиться и встретил Данку. Она сирота, её в Академию-то приняли за талант, и она ещё там посудомойкой подрабатывала.

– У-у-у-у... – тихо протянула я, заранее предугадав ход развития событий.

И оказалась права. На двести процентов.

– Когда мы начали встречаться, мама не возражала, – продолжил Михаэль. Его голос становился всё более и более печальным, словно парень постепенно, шаг за шагом, прозревал, – как я потом выяснил, она уже занималась подготовкой моей свадьбы с Иветтой. Думала, что у нас с Дани всё несерьёзно. Но потом, – он прерывисто вздохнул и даже – я клянусь! – как будто шмыгнул носом, – мы решили пожениться. Скандал вышел страшный. В день, когда я объявил об этом маме, к нам даже стражники явились, настолько она громко кричала и швыряла вещи

в окно. Кстати, Иветта отнеслась к этому известию очень спокойно, сказала, что у неё самой есть любимый мужчина, и пожелала счастья. Даже помогла переделать наше несостоявшееся торжество в нашу свадьбу с Дени. Мама на свадьбу не явилась, только прислала грязную тряпку в качестве подарка. Ну, я на многое и не рассчитывал.

Михаэль зябко передёрнул плечами.

– Мы с Дани переехали в мой дом, и полгода всё было нормально. Потом мама, вроде, успокоилась, стала присылать письма, интересоваться, как у нас дела. Пару раз заехала на чай. Принесла какие-то безделушки для дома... Мне показалось, что приняла Дани. Она общалась с ней очень дружелюбно, делилась какими-то рецептами, рассказывала о моём детстве... ну, а потом Дани забеременела. Остальное вы знаете.

– Скажите, Михаэль, – сухо сказала я, пока оставив без комментариев его рассказ, – а ваш отец жив? Вы упоминали только маму.

Парень только безнадёжно махнул рукой.

– Жив! Но он не главный в доме, мама всем заправляет. Он смотрит ей в рот и подчиняется каждому её слову. Деньги приносит, и хорошо, как она говорит.

Всё ясно. Старуха подмяла под себя не только сына, но и мужа. Бедная Данка с дочкой!

– Послушайте, Михаэль, – строго сказала я. Он вздрогнул, словно я ударила его плетью, и сердце кольнула жалость. Неслабо так его Ригге зашугала, только и у меня тоже не получается мягко с ним говорить. Больше хочется взять за шиворот и потрясти, чтобы привести в чувство, – что вы теперь будете делать, увидев это письмо? Вы осознаёте, в какой опасности ваша дочь и жена?

Он глубоко вздохнул, и в горле у него что-то забулькало.

– Я не знаю, что делать, – признался он, – это всё... это очень страшно! Но я ничего не смогу предпринять против мамы.

– Когда вы решили жениться на Данке... Даниэлле, как-то же вы сумели с ней совладать, – сухо напомнила я. Мне очень не понравилось, куда дует ветер, – что вам мешает сейчас проявить характер и указать ей на дверь?

Михаэль вздрогнул и сгорбился. Это выглядело парадоксально: он был рослым и сильным с виду мужчиной – не таким мощным, как Хан, конечно, тот бы его легко в бараний рог бы скрутил – но тоже вполне впечатляющим. И так робел при одном только упоминании своей матери!

– Я постараюсь, – пробормотал он, отчаянно пряча глаза.

– Тут надо не постараться, а сделать, – отрезала я, сплетя руки на груди, – на кону жизни дорогих вам людей! Как вы этого не поймёте?

Михаэль промолчал. На лице у него была написана полнейшая обречённость, сквозь которую проступала паника. Похоже, что мысль о том, что вновь придётся давать отпор матери его крайне пугала.

– Я так надеялся, что она будет помогать Дани ухаживать за ребёнком, – вдруг пробормотал он, – а теперь всё идёт прахом...

Я молча слушала, не чувствуя к нему ничего, кроме глухого раздражения.

Бесполезно. Он слишком мягкотелый. Даже если у него и получится выставить Риббе за порог, она влезет обратно. Только цыкнет на него, как он послушно распахнёт перед ней все двери!

Вдруг лицо Михаэля просияло, словно озарённое какой-то чудесной мыслью.

– Я знаю, что делать! – воскликнул он, – Но мне понадобится ваша помощь.

Глава 10

– Интересно, – протянула я, – и что же у вас за гениальная идея?

– Переезжайте к нам жить! – воодушевлённо воскликнул Михаэль. Глаза его сверкали, – по вам сразу видно, вы очень хороший врач. Я, правда, сначала подумал, что вы просто помощница, но потом быстро понял, что вы тут главная. Мне Данка шепнула, что вы её и нашу малышку спасли. У нас есть свободная комната, и до гаспитоли недалеко. За здоровьем Дани с дочкой, опять же, следить сможете. Денег за проживание с вас не возьмём, наоборот, ещё доплатим. Кормить будем отменно! Ну же, соглашайтесь!

К концу тирады его лицо совсем раскраснелось, и он стал похож на маленького мальчика, воодушевленно строящего планы по штурму игрушечного замка. Правда, я его энтузиазма не разделяла.

Да, предложение звучало заманчиво. Да, было бы здорово жить рядом с Данкой и наблюдать за ней и малышкой. Да и дополнительные деньги лишними не будут.

Кстати, мне же за работу в госпитале тоже полагается зарплата! У кого бы ещё узнать, какая? Тут есть бухгалтерия?

Но где же в этом благодостном уравнении Данкина свекровь?

– А ваша мама, – сухо сказала я, и лицо Михаэля потускнело, – она будет жить рядом с моей комнатой?

– С мамой я поговорю, – решительно сказал мужчина, хотя голос его всё-таки дрогнул, – найму экипаж и организую комфортный переезд обратно в её дом. Скажу, что помощь у нас с Дани будет.

Я скептически смотрела на него. Похоже, он и сам не особо верит в успех этого разговора. Но хотя бы решился на него, что уже хороший знак.

Но меня терзали сомнения, и небезосновательные.

Как бы не вышло так, что на меня целиком и полностью переложили хлопоты по уходу за младенцем. Получится так, что моя работа станет бесконечной: только приду из госпитали, как тут же надо будет бежать в детскую...

Меня, которая всю жизнь прожила без детей, эта перспектива не на шутку испугала. Не то, чтобы я их очень хотела. Нет. Просто так и не встретила человека, от которого захотелось бы родить... А там как-то незаметно получилось так, что работа вышла в жизни на первый план, вытеснив всё остальное.

Я вдруг поймала себя на том, что погружаюсь в меланхолию, и тут же встряхнулась.

Хватит, Ольга Евгеньевна. Прекрати. Тебе надо вообще, по-хорошему, выход отсюда в свой мир искать, а ты время на пустые переживания тратишь.

– Вот что, – строго сказала я, – дайте мне, пожалуйста, пару дней на подумать. Даниэлла всё равно будет в госпитале... в гаспитоли под моим надзором. А дальше будет видно.

– Я всё понимаю, – кивнул Михаэль, – и буду с нетерпением ждать вашего ответа!

Пообщавшись с Михаэлем в бане, я отправилась в пресловутый гаспитоль. Сам Данкин муж прибыл на... не знаю, как эту повозку называют тут, я обозвала её двуколкой. Это слово всплыло в памяти само, когда я увидела двухколесную повозку с мягким диванчиком и крышей, запряжённую двумя лошадьми.

Кажется, последний раз я такую видела по телевизору в каком-то старом английском детективе.

Муж Данки широким жестом предложил меня подвезти, и я отказываться не стала. Все тело ныло от усталости, и я была согласна упасть на самый захудалый топчан, лишь бы уснуть.

К тому же, я тут совершенно не ориентировалась и опасалась перспективы заблудиться в трёх соснах и сгинуть в какой-нибудь канаве.

Пока ехали, я всей грудью вдыхала воздух, который оказался не в пример чище, чем в моём городе. Правда, в нём витали ароматы силоса и навоза, но они перебивались более приятными запахами. Парного молока, например, и полевых цветов.

Мы проехали по ночным улицам. В темноте детали было не особо разглядеть, а освещение было скудным. Фонари горели достаточно тускло и были явно не электрическими.

Глядя на ряды одно- и двухэтажных деревянных домов, тянувшихся вдоль улицы, на выщербленную мостовую, на которой подпрыгивала двуколка, отмечая про себя отсутствие электрических столбов, я чувствовала, как паника подкрадывается всё ближе и ближе.

По ощущениям, тут у них уровень развития цивилизации соответствует где-то середине девятнадцатого века у нас. Причём, той поры, когда электричество ещё не открыли. Ну, или оно попросту досюда не добралось.

Ладно, на электричестве я что-то заиклилась. А как быть с уровнем медицины? Они тут, блин, рожениц всякой дрянью поят! Что они тогда делают с другими пациентами? От мигрени сразу голову сносят, типа, нет головы, и болеть нечему?

Я мрачно хихикнула.

Такие мысли оптимизма не внушали – с одной стороны. С другой, я почувствовала странное воодушевление, несмотря на жуткую усталость. Руки зачесались навести тут порядок, хотя я и понимала, что одна я это всё не вывезу.

Ладно, начну с того, что хотя бы на госпиталь вживую гляну. Кстати, надо будет ещё расспросить Аглаю, почему она поволокла Данку рожать в баню. Неужели родильное отделение в госпитале в таком состоянии, что баня оказалась лучшим вариантом?

Хотя, уверена, тут дело опять в каких-нибудь дремучих суевериях. Думаю, покажи той же Аглае современное родильное кресло, она его сожжет или утопит, как непонятную штуку.

Ну, или в угол его поставит и хороводы водить вокруг начнёт.

Когда Михаэль щёлкнул поводьями, заставив лошадей остановиться, и торжественно объявил: “Мы на месте!”, я уже с головой окунулась в то состояние, когда всё вокруг складывается хуже некуда, а ты только и можешь, что шутить напропалую, чтобы сохранить присутствие духа и здравый смысл.

– На месте? – встrepенулась я, – Так, ну и что у вас тут за госпи...

Стоило мне поднять глаза и увидеть здание, перед которым мы остановились, как из груди само собой вырвалось потрясённое:

– Да вы издеваетесь?!

Глава 11

Передо мной предстала унылая трехэтажная коробка, сложенная из толстых брёвен и выкрашенная в мышино-серый цвет. В тусклом свете двух фонарей у входа я заметила грязь на её стенах и общую обшарпанность. Они говорили о том, что в гаспитоли явно не заботились ни о чистоте, ни о ремонте.

Вдоль стен тянулись ряды узких окон, больше похожих на бойницы. Глядя на них, я ощутила давящую тоску и уныние. М-да... представляю, какая темнота царит в кабинетах!

– Что с вами? – всполошился Михаэль, заглянув мне в лицо, – Вы как-то помрачнели. Всё в порядке?

– Да так, – процедила я, – захотелось полюбоваться гаспитолью.

По-хорошему, это убожество надо бы снести и отстроить на его месте нормальную больницу. С широкими окнами и прочными стенами. А то тут я прямо смотрю и вижу щели в брёвнах размером с палец.

Ладно. Стоять и разглядывать всю эту сомнительную красоту можно до заговения. Пора проводить Данку. Но прежде...

– Значит, так, – повернулась я к Михаэлю, – на этом мы с вами распрощаемся. Над вашим предложением я подумаю. Только я очень попрошу вас: в ближайшие дни держите вашу мать как можно дальше от гаспитоли и Даниэллы. Я же постараюсь проследить, чтобы её сюда не пускали, если она вдруг приедет. Хорошо?

При упоминании матери Михаэль вновь побледнел, но кивнул.

– Я сам буду сторожить Дани! – с готовностью воскликнул он. Я покачала головой:

– Это лишнее. Лучше зарабатывайте деньги, они вам сейчас очень пригодятся. Но навещать Даниэллу можно, и даже нужно...

– Конечно! – усиленно закивал Михаэль, – Я привезу ей целый мешок сладостей, она их так любит! О! Придумал! Я закажу шоколадного зайца, огромного, чтобы она улыбалась, когда его ела...

– Стоп-стоп-стоп, – прервала я эту воодушевлённую тираду молодого отца, – притормозите. Даниэлле сейчас шоколад противопоказан, как и всякие необычные сладости. Ещё не тащите ничего острого или жирного. Лучше привезите яблок, только не красных, бананов, курицу вареную или нежирный творог. Помните, всё, что съест Даниэлла, уйдёт в молоко и перейдёт малышке. Вы, кстати, уже имя придумали?

Услышав механизм образования молока, Михаэль смущённо покраснел.

– Я Катариной бы хотел её назвать, – пробормотал он, – в честь моей бабушки. Но это нам с Дани надо обсудить.

– Вот это правильный подход, – похвалила я его, и Михаэль улыбнулся, – а теперь езжайте домой и отдыхайте. Нам с вами предстоят непростые дни.

Данкин муж раскланялся и укатил, а я, вздохнув, смело направилась в госпиталь.

Кстати, занятно, что слова “яблоки”, “бананы” и прочие обозначения еды не вызвали у мужчины удивления. Может, по-разному в двух мирах называются только травы?

Внутри госпиталь оказался не лучше, чем снаружи. Сразу от входа я попала в длинный широкий коридор с низким потолком. Коридор этот был уставлен пустыми деревянными койками без белья. Его стены были такими же серыми, как и наружные, а несколько узких окон делали коридор похожим на тюремный.

На стенах перемеживались тусклые лампы, источающие бледно-жёлтый свет, который только усиливал тоску. Казалось, вот-вот, и из стены вынырнет привидение.

Пахло чем-то мерзким, похожим на перестоявшие щи из кислой капусты.

Неудивительно, что мои ноги тут же захотели развернуться и топать отсюда подальше!

– Вот это меня, конечно, угораздило, – пробормотала я, окинув скептическим взглядом коридор, – да в нашей поликлинике обстановка в разы веселее!

Там хотя бы есть люди. А тут – ни намёка на живую душу. Даже поста медсестры не видно. Куда делать Аглая и Данка? У кого спросить?

Я пошла вперёд, вертя головой в поисках хоть какой-то двери. Кто знает, может, за ней обнаружится хоть кто-то, кто сможет мне внятно ответить на вопросы.

Двери и правда были. Правда, запертые и неаккуратно перегороженные койками. Кажется, ими никто не пользовался. Ладно...

В конце коридора обнаружилась лестница на второй этаж, откуда тоже лился тусклый свет. Делать было нечего, я отправилась наверх.

И там я наконец-то нашла Данку! Её разместили – правда, непонятно, Аглая или нет – в небольшой узкой комнате, дверь в которую располагалась прямо около лестницы. Самое главное, что комната была относительно чистая, а кровати было постелено свежее – судя по запаху – бельё!

Данка мирно спала, обнимая корзину, в которой посапывала её малышка.

Стоп, что?!

Я протёрла глаза. Может, я уже сама сплю? Корзину?!

Да, это была именно корзина. Я с похожей ходила по грибы. Она была широкой и длинной и как раз вмещала в себя не только младенца, но и кучу пелёнок, которыми её тщательно выстелили.

И от Данки, и от новорожденной малышки шёл приятный сладковатый аромат ромашки и молока. Я с облегчением вздохнула и прижала ладони к глазам. Они горели от усталости.

– Расслабляться нельзя, – шепотом сказала я самой себе, – за Данкой и новорожденной нужен глаз да глаз...

И где же всё-таки персонал? Может, разошлись по домам? А другие пациенты... хотя Аглая, вроде, говорила, что сейчас время спокойное, и госпиталь стоит пустым.

Я покосилась на узкую деревянную лавочку у стены. Пожалуй, тут и прикорну, а с утра пораньше подыщу себе здесь кабинет. Ну, или хотя бы помещение, которое можно было бы под него обустроить.

Но не успела я даже присесть, как за дверью послышались торопливые шаги, и внутрь заглянула Аглая. Вид у неё был растрёпанный, словно она бежала марафон.

– А я голову ломаю, куда вы делись, – сердито прошептала она, – Пойдёмте за мной! Провожу вас в вашу комнату.

Ого! Значит, у меня... точнее, у Эстель тут есть своя комната? Здорово!

Вот только обрадовалась я, как выяснилось, рано...

Глава 12

– Это что? – выдавила я, не веря своим глазам. Даже протёрла их на всякий случай.

– Как это, что? – оскорбилась Аглая, – Это ваша комната!

– Комната?

– Комната!

– Комната?!

– Комната!!

Этот словесный пинг-понг мне надоел, и я резко прервала его:

– Вы точно ничего не перепутали? Здесь же невозможно жить!

Аглая расправила плечи и вздёрнула подбородок с видом оскорблённой невинности.

– А раньше вы не жаловались, – с вызовом сказала она, – когда только приехали и обустроились, вас ничего не смутило. А сейчас, гляньте-ка, вдруг претензии появились!

Я прижала пальцы к переносице и глубоко вздохнула.

Аглая привела меня в пристройку к первому этажу госпиталя. В неё вёл отдельный вход через разошедшуюся дверь, которую повитуха отперла своим ключом.

Внутри обнаружилось помещение, в котором не поместилась бы даже самая скромная церковная мышь. Почти всё пространство занимала низкая продавленная койка, на которой стояла большая сумка, у противоположной стены виднелся узкий шкаф и колченогий стол со стулом. Из узкого окна нещадно дуло; я не выдержала, подошла к нему и, не веря своим глазам, сунула палец в щель в раме.

Палец легко вошёл почти наполовину. Вдобавок, пахло сыростью и нестиранным бельем.

– Возможно, я была слепа, – процедила я, – или слишком уставшая после... э-э-э... дороги.

– И прожили тут два дня без проблем, – сухо бросила Аглая.

– В любом случае, – продолжила я, сделав вид, что не услышала её фразы, – жить здесь невозможно! У вас есть другая комната?

Повитуха упёрла руки в бока.

– Нет, – отчеканила она, – мы и эту, считай, от сердца оторвали! Всё для того, чтобы вы у нас остались. Уж больно господина Грицека греет мысль, что в гаспитоли теперь работает молодая лекарка прямиком из столичной Академии!

– Господин Грицек – это кто? – уточнила я, наповал сражённая такой логикой. Да уж, забота о молодых специалистах на высшем уровне. Всё делают, чтобы их удержать!

– Главный наш, – неохотно пояснила Аглая и тут же удивилась, – а вы что, забыли его имя?

– Приступ склероза, – отмахнулась я, и повитуха умолкла, видимо, сражённая такой моментальной самодиагностикой.

– Вот что, – помолчав, констатировала я, – я тут остаться не могу. Можно мне перебраться в какую-нибудь палату в гос... гаспитоли?

На лице Аглаи отразился священный ужас. Что я такого сказала-то?

– Ни в коем случае! – замотала она головой, – Это для больных! А лекари живут отдельно! Господин Грицек запрещает нам спать в палатах! Я вот, например, всегда домой уйду.

– Так у вас есть дом, – вздохнула я, – а я этим похвастаться пока не могу.

Усталость давила на плечи, и даже мелькнула малодушная мысль: не плюнуть ли на всё и не рухнуть ли в эту койку? Посплю, а завтра с утра уже со свежей головой решу все вопросы...

Ну уж нет! Я себя не на помойке нашла и спать в такой помойке решительно отказываюсь.

– Ну, я пошла, – тем временем, засобиравшись вдруг Аглая. Она развернулась с явным видом поскорее улизнуть, чтобы оставить меня один на один с этой комнатой, – мне домой пора...

– Стоп-стоп-стоп, – я тут же перегородила путь хитрой повитухе, – этот ваш господин Грицек сейчас на месте? Я с ним поговорю!

Аглая посмотрела на меня, как на умалишённую.

– Нет, конечно, – фыркнула она, – он ещё днём домой отбыл!

– Понятно, – деловито сказала я, – значит, в гаспитоли остаёмся только мы с Данкой?

Аглая медленно кивнула, явно не понимая, к чему я клоню. Я протянула руку и потребовала:

– Дайте, пожалуйста, ключ от этой пристройки. Кстати, почему он у вас был, а не у меня?

– Так вы мне сами его на хранение отдали...

– Понятно.

Я забрала ключ, заперла дверь и решительно направилась обратно в гаспитоль. Аглая, с разинутым ртом наблюдавшая за моими манипуляциями, спохватилась и кинулась следом, причитая:

– Вы куда? Что задумали?

– Переночую в палате у Данки, – отрезала я, – если все остальные палаты заперты. Я и на втором этаже койку в коридоре приметил, так что найду, как обустроиться. В этой дыре я ночевать не останусь!

– Нельзя же так! – заохала повитуха, поднимаясь вслед за мной по лестнице, – Господин Грицек будет в бешенстве!

– Да что вы говорите, – хмыкнула я, – это кто ещё должен быть в бешенстве! Я сама с ним завтра поговорю. Прямо с утра, как в гаспитоль явится. Очень хочется обсудить условия моей работы.

– Но как же так... – застонала Аглая. Я только пожала плечами:

– А вот так. Похоже, у вас тут давно пора навести порядок.

Охая и причитая, Аглая ушла домой. Я же втащила в палату Данки койку, которая без дела стояла в коридоре прямо напротив её двери. Койка, как и те, что внизу, также представляла из себя голый деревянный каркас, и была достаточно лёгкой.

Я поставила её напротив Данкиной кровати и бесстрашно улеглась. Благо, платье Эстель было достаточно плотным, и сквозь него даже не так сильно ощущались перекладины каркаса.

Ну, или я так вымоталась, что мне было уже не до удобств.

– Спокойной ночи, Ольга Евгеньевна, – пробормотала я сама себе, проваливаясь в сон, – точнее, спокойного остатка ночи...

Не знаю, сколько я проспала, но разбудили меня грохочущие удары, словно кто-то ломился в дверь на первом этаже, истерический плач перепуганной Данкиной малышки, и незнакомый мужской рёв:

– Эстель! Я знаю, ты где-то здесь! А ну, быстро иди сюда!

Глава 13

– Кого там ещё черти принесли? – пробормотала я, недовольно накрыв голову рукой. Надеюсь, мне это снится...

Однако новый мощный удар, надрывный младенческий вскрик и перепуганное Данкино “тише-тише-тише, златко”, мигом сдули с меня остатки сна.

Я подскочила на койке и кинулась ко входу. Мимо меня промелькнули расширившиеся от паники Данкины глаза и красненькое от плача личико младенца, извивающегося в её руках.

Пулей вылетела из палаты и сбегала вниз по лестнице с гневным:

– Немедленно прекратите хулиганить, иначе вызову...

“Полицию” застряло у меня в горле, потому что в дверях я увидела здорового детину в тёмно-красной униформе, похожей на военную. У него были прямые светлые волосы до плеч и мужественное лицо, которое портила надменно вздёрнутая верхняя губа.

При виде него моё тело затормозило само, отчего я чуть не упала и пропахла носом пол. Остановилась метрах в десяти от него, чувствуя, что всё внутри вибрирует от ощущения опасности.

Что за ерунда? Ну да ладно, главное, чтобы заткнулся.

– Прекратите орать, – ледяным голосом отчеканила я, – вы пациентов пугаете, а им нужен полный покой!

Не уточнять же, что пациентов в госпитале только двое.

При виде меня незнакомец замолчал, нехорошо сощурился и процедил:

– Ты! Нашлась всё-таки!

“О нет,” – простонал внутренний голос, – “неужели ещё один охотник за Эстель?”

И почти угадала.

– Из-за тебя я был вынужден всё бросить, – угрожающе начал мужчина и двинулся ко мне. Я попятилась – на сей раз уже сама, потому что кто его знает, что он задумал, – как только я услышал, что ты объявилась в этой дыре, вылетел немедленно! Ты вообще осознаёшь, сколько времени я потратил, чтобы тебя разыскать?! Сколько важных дел пришлось отложить?

Я неопределённо развела руками, шаг за шагом отступая. Неужели Эстель НАСТОЛЬКО много всего натворила, что на её поиски бросили аж целого военного, судя по мундиру? Дело приняло совсем скверный оборот.

Мозг как-то механически зацепился за слово “вылетел”. Тут что, и самолёты есть? На чём они тогда летают, на воронах, что ли?

По губам скользнула произвольная нервная улыбка. Незнакомца это взбесило.

– Ты ещё и насмехаешься! – рявкнул он, и сверху вновь донеслось хныканье малышки. Меня это доконало, и я прошипела:

– Я же просила замолчать. Не знаю, кто вы такой... ай!

Одним неумовимым движением незнакомец оказался совсем рядом и схватил меня за предплечье. Хватка у него оказалась просто стальной, и руку пронзила боль.

– Хватит корчить из себя невесть, что! – прорычал он, – Ты сейчас же отправишься со мной, и это не обсуждается. Мне плевать, как, даже если понадобится тебя связать!

Похоже, у него были какие-то личные счёты к Эстель. Нутром чую.

– Вы можете меня сначала выслушать, а уже потом хватать за руки? – процедила я, одарив его ледяным взглядом. Обычно это действовало на пациентов, которые лезли без очереди. Только незнакомец даже не почесался. Все мои взгляды были ему до лампочки.

– Я знаю, что ты мне скажешь, – хищно ощерился он, и по моей спине пробежали морозные мурашки, – чтобы я подождал ещё немного, чтобы дать тебе время разобраться в себе,

подготовиться к новой жизни... хватит! Один раз я купился, второй раз со мной этот фокус не пройдёт!

Я озадаченно нахмурилась. Разговор стал странным. С каких это пор у того, кто пришёл тебя арестовывать, можно попросить отсрочку под такими предложениями? Хотя, может, тут так принято? Знала бы заранее, поговорила бы с Ханом по-другому.

Стоп. Хан!

Если этот... непонятно, кто увезёт меня за пределы деревни, Ошейник, который на меня навесил инспектор, сработает, и тогда всё, капец котёнку. Моя жизнь закончится непонятно, где, да ещё и за чужие грехи!

Меня охватил панический ужас: дыхание сбилось, сердце колотилось так, будто вот-вот вырвется из груди. Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, и в голове билось одно: если не получится переубедить его, то всё будет кончено!

Мы тут одни. Для него ничего не стоит подхватить меня, скрутить и унести, как безвольную куклу.

Нет, надо говорить, говорить и говорить. Вызвать его на диалог! Сказать ему про Ошейник!

– Во-первых, – торопливо сказала я, – я уже пообщалась с вашим коллегой, и мы всё уладили. Во-вторых...

Но светловолосый хам не дал мне договорить. На его лице вспыхнуло такое выражение ярости, что я испугалась уже не на шутку.

– С коллегой? – переспросил он, – Это с кем же?

Я изо всех сил напрягла память.

– Ашхар Хан, – без запинки выпалила я, – вы его точно знаете, он королевский инспектор. Он сказал, что я могу остаться и работать здесь. Если не верите, спросите у него. А ещё он...

Осеклась. Незнакомец разразился неприятным гогочущим смехом.

– Значит, ты и Инспекторат умудрилась против себя настроить? Ну ты даёшь, Эстель! Ладно, я знаю, кому надо сунуть денег, чтобы от тебя отстали. Всё, заканчивай ломать комедию. Ты пойдёшь со мной, и точка! А со всем остальным разберёмся позднее.

Дёрнул меня на себя. Я изо всех сил упёрлась ладонями в его мощную грудь и в отчаянии выпалила:

– Я не могу покинуть пределы деревни! Я просто погибну! А ещё я не Эстель, а совершенно другая женщина в её теле!

Глава 14

Он резко дёрнул меня к себе, и боль пронзила плечо так, что я вскрикнула.

– Какая ещё другая женщина?! – рявкнул он, сверкнув ярко-голубыми глазами. – Не можешь покинуть пределы деревни? Ха! Думаешь, я поверю в эти сказки? Всё это твои уловки, чтобы не идти со мной. Хватит! Ты принадлежишь мне, и точка!

Я в панике уставилась на него. Кто он такой? Какое «принадлежишь»? Всё внутри протестовало, сердце колотилось, а ноги так и подталкивали – беги, спасайся! Уйти с ним – значит подписать себе смертный приговор.

– Хватит ломать комедию, Эстель! – рявкнул мужчина, так резко дёрнув меня за руку, что я едва удержалась на ногах. Его стальная хватка обжигала, как раскалённые клещи. – Ты моя невеста, и ты знала, чем обернётся побег! Без тебя я не смогу занять своё место в Совете рода!

Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, и, не удержавшись, нервно хохотнула. Его глаза сузились от гнева. Тьфу! В экстремальных ситуациях меня всегда пробивает на смех, а тут это максимально неуместно.

Можно и нарваться.

И тут до меня запоздало дошло. Доковыляло.

Так это жених Эстель! Ну дела... И угораздило же её выбрать такого беспардонного грубияна.

Только стоп. Судя по отдельным его фразам, она не очень-то горела желанием выходить за него. Настолько, что сбежала.

– Ты сбежала в тот самый день, на который был назначен обряд! – бушевал он. Меня вдруг обдало тяжёлым мускусным ароматом, и я закашлялась, – Ты выставила меня, Ласло Драгомира, на посмешище, словно я – безусый мальчишка, над которым можно безнаказанно посмеяться! Перед лицом старейшин, перед лицом моего рода!

Ага, вот, как его зовут. Очень... неприятно.

– Посмешище? – я опять попыталась вырваться из его хватки. Тщетно. Плечо уже горело, словно обожжённое крапивой. – Может, Эстель просто... я просто не хотела?

Ласло резко подался вперёд, его тень накрыла меня, будто ковёр, упавший со стены. Я инстинктивно отклонилась назад.

– Не хотела? – повторил он, и в голосе прозвучало нечто среднее между злой усмешкой и презрением. – Это не тебе решать, хотела ты чего-то или нет. Наши семьи заключили договор. Это было задолго до нашего рождения. И я не позволю тебе разрушить ни мою репутацию, ни карьеру!

У меня внутри что-то ухнуло.

– Договор? – повторила я, – То есть... вы с Эстель... тьфу, со мной вообще не собирались жениться по любви?

От слова «любовь» Ласло поморщился, словно хлебнув кислятины.

– Любовь тут ни при чём, – резко бросил он. – Это союз двух древних родов. Я был даже готов закрыть глаза на то, что ты незаконнорожденная дочь какой-то там бабы, с которой твой отец закрутил роман. Главное – это его кровь в твоих жилах. А между нами должна быть заключена драгоценная клятва, скреплённая драконьим огнём. Ты – ключ. Без тебя я не смогу возглавить Совет.

Драконьим огнём?! Тут ещё и драконы водятся?

Я мигом почувствовала, как ноги стали ватными. Если с научно-технической отсталостью этого мира я уже успела притерпеться, то новость о драконах стала для меня полнейшим шоком.

Надеюсь, их тут хотя бы в клетках держат, чтобы они никого не сожрали!

Тут я спохватилась, поймав на себе изучающий взгляд Драгомира, и поняла, что слишком долго молчу, погрузившись в собственные панические мысли. Вздёрнула подбородок и с вызовом глянула на него. Он хмыкнул:

– А из тебя выйдет хорошая актриса, Эстель. Очень убедительно играешь роль какой-то там другой бабы в своём теле! Будь я дурак, я бы поверил.

“Так ты и есть дурак!” – так и захотелось выкрикнуть ему в лицо, – “Хан мне поверил, и у него явно мозгов побольше будет!”

Выходит, этот Ласло не в курсе, что в этом мире уже был похожий с моим случай? Хотя мне больше кажется, что он про него слышал, только не поверил.

Вот же баран упёртый. Ещё и тащит за собой! Надо срочно что-то придумать.

– И что, теперь женитьба – это пропуск в этот ваш Совет? – прошипела я, морщась от боли. – Простите, но обычно хотя бы согласие невесты спрашивают!

Его лицо исказилось от гнева. Светлые волосы вспыхнули в солнечных лучах, озаривших коридор сквозь дверной проём. Он шагнул ближе, и от его хищной поступи мне стало жутко. На какой-то момент показалось, что спина сейчас упрётся в холодную стену госпиталя, но Ласло держал меня слишком крепко, чтобы я к ней приблизилась.

– Хватит, Эстель, – холодно сказал он, – твои выкрутасы мне надоели, ты просто пытаешься остаться здесь!

И тут я окончательно разозлилась. На его твердолобость и упрямство, достойные лучшего применения.

– Да поверьте же мне, наконец! – в отчаянии вскрикнула я и тут же осеклась, испугавшись, что потревожу Данкину малышку наверху. Прошипела:

– Я никакая не Эстель! Брак со мной никак вам не поможет вступить в этот ваш Совет. Осознайте это, в конце концов!

Он смерил меня презрительным взглядом, и у меня просто опустились руки. Драгомир не верил ни единому моему слову.

– “Я никакая не Эстель,” – издевательски передразнил он меня, – Прекрати нести чушь! Я никогда в жизни не поверю во все эти глупости про чужую женщину в твоём теле. Seriously, Эстель, могла бы придумать что-то поправдоподобнее.

Сердце колотилось, как ненормальное. Я в отчаянии вертела головой, пытаюсь придумать хоть что-нибудь, чтобы оттянуть время, чтобы заговорить ему зубы... да хотя бы найти что-то, чтобы кинуть в него! Может, тогда он наконец-то разожмёт свою хватку!

И он внезапно разжал. Только вовсе не для того, чтобы наконец-то отпустить меня на свободу.

Ласло резко наклонился и подхватил меня. Одно движение – и я очутилась животом на его плече, вися вниз головой.

– Достаточно твоих игр, Эстель. Ты идёшь со мной, и мне плевать, хочешь ты этого или нет! – прорычал он.

Я забарахталась, колотя кулаками по его спине и извиваясь. Сердце билось где-то в ушах, дыхание сбилось.

– Пусти! Сейчас же отпусти меня, баран недоделанный! Я не твоя!

Он на мгновение замер, сжал мою ногу и тихо, с опасной усмешкой, произнёс:

— Ошибаешься, Эстель. Ты моя. Всегда была и будешь.

Я захлебнулась собственным негодованием... и вдруг меня осенило.

Я придумала, как получить свободу!

Глава 15

Я захлебнулась собственным негодованием... и вдруг меня осенило. Королевский инспектор же ясно сказал: «Если выйдешь за пределы деревни – Ошейник сожмётся и придушит тебя».

Вот только Ласло об этом неизвестно! Надо на этом сыграть.

Собрав остатки дыхания, я запрокинула голову и застонала:

– Ах... Ошейник... он... начинает... – прохрипела я, хватаясь за горло и корчась так, словно петля уже сдавила мне шею.

Ласло замер, словно столкнувшись с невидимым барьером. Плечо, на котором я болталась вниз головой, напряглось, будто камень.

– Что за бред ты несёшь? – прорычал он, но в его голосе я услышала сомнение, – Опять твои выходки?

Я захрипела громче и впилась ногтями в горло, словно пытаюсь разорвать невидимую удавку.

– Если... ты вынесешь меня за пределы деревни... я... задохнусь! – всхлипнула я, подражая предсмертным хрипам так убедительно, как будто играла на сцене.

И я даже не преувеличиваю. Однажды видела спектакль, где актриса так убедительно изображала предсмертные конвульсии, что какой-то особо слабонервный зритель вызвал скорую. Вот на эти воспоминания и ориентировалась.

Рука Ласло судорожно сжала моё бедро, но потом слегка ослабила хватку.

– Эстель, прекрати этот фарс! – рявкнул он, но неуверенность уже всюю сквозила в его голосе.

Я обмякла и едва слышно прошептала:
 – Проверь... у инспектора Хана... спроси... я не вру...

Ласло скрипнул зубами, тяжело выдохнул и замер, так и держа меня на плече. Я почувствовала, как его дыхание становится прерывистым, как мышцы на спине каменеют и расслабляются попеременно, будто он разрывается между яростью и сомнением. Молчание тянулось мучительно долго, только кровь шумела в моих висках, а мышцы на животе, сдавленном поперек могучим плечом, уже начали побаливать.

Я не удержалась и как бы невзначай заметила:

– Знаешь, Ласло, держать невесту вниз головой, как мешок картошки... совсем не то, что красит будущего главу рода. Представляю, какую славу это принесёт твоей репутации. Такой бравый военный – и не может подчинить себе слабую девицу никаким другим способом, кроме силового! Да уж, очень достойный поступок, слов нет.

Он напрягся ещё сильнее, будто мои слова попали прямо в цель.

– Ты не посмеешь никому сказать! – рявкнул он.

– Как знать, как знать... – протянула я. Голос уже хрипел непритворно – сказывалось всё это болтание вниз головой. В висках застучал пульс, и я непритворно испугалась – ещё чуть-чуть, и потеряю сознание. Тогда-то этому барану ничего не будет стоить меня утащить!

На секунду показалось, что он просто упрётся и дотащит меня, несмотря ни на что. Но вместо этого Ласло гневно прошипел что-то себе под нос, резко наклонился и нехотя поставил меня на пол. Его пальцы с силой сжали моё запястье, а сам он выпрямился, сверля меня глазами, полными гнева и недоверия.

Я медленно выдохнула. Ура. Кажется, первый раунд за мной. По крайней мере, утаскивание меня откладывается. Теперь надо приложить все усилия и заболтать ему зубы.

– Что. Это. Было? – процедил он, буравя меня огненным взглядом.

И тут случилось странное. По моему телу прошла странная дрожь, от затылка до пят, словно по позвоночнику, как по проводу, прошёл электрический заряд. На миг я увидела огромного золотого дракона на месте Ласло. Дракон беззвучно ревел, задрав морду к небесам и распахнув гигантские крылья.

Видение было таким ярким и реалистичным, что я вздрогнула и попятилась.

– Ну? – навис надо мной Ласло. Стоило ему только пошевелиться, как видение испарилось, – Что с тобой произошло?

Я выпрямилась, сделала пару глубоких вдохов, чтобы выровнять дыхание, и отчеканила, отбросив в сторону все эмоции. Так, чтобы до него как можно яснее дошёл смысл сказанного:

– На мне Ошейник Паррапео. Его наложил королевский инспектор. Если я покину пределы деревни, он затянется и придушит меня. Это не игра, Ласло. На кону стоит моя жизнь.

Я твёрдо смотрела ему прямо в глаза, отмеряя каждое слово, как новый глоток воздуха. Больше никакого ехидства – только голая правда, которую он обязан услышать, прежде чем решит снова тащить меня силой.

Или не решит. Тут уже надо уповать только на то, насколько убедительной я была.

Ласло дернулся, будто услышал самую нелепую чушь на свете. Его брови сдвинулись к переносице, губы искривились в скептической усмешке.

– Ошейник Паррапео? – протянул он с недоверием. – Больше похоже на сказочку, придуманную впопыхах. Ты и вправду думаешь, что я поверю в такую ерунду? Эстель, это уже слишком даже для тебя!

Он шагнул ближе, его тень легла на меня, глаза полыхали недоброй решимостью. По моей спине пробежал озноб, сердце застучало быстрее, но я стиснула зубы и выпрямилась, стараясь не показать страха.

Расправила плечи и, тщательно следя за голосом, спокойно сказала:

– Не веришь? Дело твоё. Можешь проверить!

Я выдохнула и принялась отчаянно импровизировать, подстёгиваемая боязнью за собственную жизнь:

– Выведи меня за пределы деревни – и всё увидишь сам. Ошейник на мне начнёт сжиматься, сначала жечь кожу, потом горло, и я потеряю сознание прямо на твоих руках. Мои губы посинеют, глаза закатятся и через минуту уже никто не сможет помочь.

Я прищурилась и шагнула к Ласло. Он молча стоял и смотрел на меня.

А меня уже подхватило и вовсю понесло.

– Скоро на каждом переулке начнут болтать: Ласло Драгомир убил свою невесту! Твой род будет опозорен. А у инспектора Хана, уверена, тоже возникнут к тебе вопросы: как так, ты извёл саму Эстель Адони, за которой он столько гонялся. Думаю, он будет не в восторге. Ты действительно хочешь через всё это пройти?

Я выпалила это на одном дыхании, словно со стороны слыша свой голос и даже не представляя, как закончится каждое следующее предложение. Закончив фразу, выдохнула и исподлобья уставилась на Драгомира, словно говоря: “Ну? Решение за тобой!”

Ласло несколько секунд молчал, пристально смотря на меня.

Потом на его лице появилась странная решимость, и он резко дернул меня за руку в сторону выхода.

– Нет... – вскрикнула я.

Моё сердце обвалилось в район пяток. Неужели всё пропало?!

Глава 16

Ласло резко дёрнул меня за руку и поволок к двери. Я зашипела от боли — его пальцы впились в запястье так, что казалось, кожа лопнет. Отчаянно вцепилась в косяк другой рукой, изо всех сил вдавила пятки в пол, чтобы хоть как-то затормозить, но всё было бесполезно. Этот громила легко сорвал меня с места, словно я была манекеном!

— Пусти... — выдохнула я сдавленным голосом. Кричать в полную силу я не могла — наверху спали Данка с младенцем, и от боязни разбудить их горло перехватило, словно тисками.

Меня трясло, дыхание рвалось на короткие, хриплые вздохи, а он тянул, не оборачиваясь, будто ему доставляло удовольствие мои бесплодные попытки высвободиться. Я собрала остатки сил и рванулась снова; ногти пропахали шершавое дерево стены, оставив едва заметные полосы.

Больше всего пугало, что Ласло больше никак не реагировал на все мои попытки высвободиться! Натуральный маньяк!

Дверь маячила всё ближе. Драгомир поставил ногу на порог, а у меня в голове промелькнуло обречённое: “Ну, вот и всё, походу...”

Неожиданно его пальцы разжались, я чуть не рухнула вперёд, но удержалась. Он резко развернулся ко мне, властно подтащил к себе и наклонился ближе, голос его был низким и холодным, словно сталь:

— Запомни, Эстель. Я мог бы утащить тебя хоть сейчас за пределы деревни, и ты ничего бы не сделала! Но я не стану брать на себя грех из-за твоих никчёмных спектаклей.

Я хрипло дышала, отчаянно ловя ртом воздух. В ушах гулко стучал пульс. Неужели пронесло? Неужели... но божечки, как же это было жутко — оказаться на волосок от гибели!

Страшнее всего было то, что в его словах звучала правда: он действительно мог бы уволочь меня куда угодно — если бы захотел...

— Я... — начала я и поперхнулась словами.

Ласло неожиданно подался вперёд и без предупреждения прижал свои губы к моим. Меня опять накрыло волной тяжёлого удушливого аромата, исходящей от него. На миг я даже не поверила, что это происходит: нагло, бесцеремонно, будто я не человек, а вещь, которую можно взять, когда вздумается! Внутри всё вспыхнуло огнём ярости и отвращения.

Я дёрнулась, упёрлась ладонями в его грудь и попыталась замотать головой, отчаянно сопротивляясь. Бесполезно! Мир сузился до этого чуждого, навязанного поцелуя.

Хуже всего то, что, как бы я ни стискивала губы, Ласло и не собирался останавливаться. Я почувствовала, как его язык властно пробивает себе дорогу, стараясь разомкнуть их и заставить меня ответить на поцелуй...

Негодование, смешанное с ненавистью, обожгли сильнее боли в запястьи, и, собрав остатки сил, я со всей силы вцепилась зубами в его нижнюю губу.

Он лишь коротко поморщился, но не отстранился сразу — только резко оттолкнул меня, как надоевшую игрушку. На его губе выступила капля крови, а сами губы растянулись в кривой усмешке.

— Сопротивляйся, сопротивляйся, — хмыкнул он, — меня это только больше заводит! Хотя бы так поймёшь, насколько ты беспомощна передо мной.

Я едва держалась на ногах, сердце колотилось так, что казалось — вот-вот выпрыгнет, а внутри всё кипело: как он посмел? Какое право он имел так поступить со мной?! Я же не кукла, с которой можно делать всё, что захочешь, я живой человек!!

— Мерзавец, — сдавленно просипела я, сплюнув горькую слюну, розовую от его крови, — пошёл вон!

Он уже отвернулся, сделал пару шагов к двери, но вдруг замер.

— Не обольщайся, Эстель, — сказал он, не глядя на меня. — Теперь я знаю, где тебя искать. Отныне ты будешь часто меня видеть. Я стану навещать эту вашу занюханную гаспитель, чтобы проведать свою невесту!

Он метнул на меня огненный взгляд, и хищно усмехнулся:

— А пока я положу все силы на то, чтобы найти способ снять этот Ошейник. Не бойся, я найду способ это сделать без вреда для тебя. Ты мне нужна живой.

И шагнул за порог.

А дальше...

Дальше произошло то, что не просто потрясло меня, но и полностью перекроило все мои представления об этом мире!

Ласло шагнул за порог — и всё вокруг будто замерло. В следующее мгновение его тело вспыхнуло золотым светом и начало расти, превращаясь в нечто невероятное. Я застыла, не веря своим глазам: человек прямо передо мной стал... огромным золотым драконом. Его крылья расправились, разрезая воздух, чешуя в лучах солнца ослепительно засияла, а сила и мощь этой фигуры показались нереальными.

Конечно, нереальными, это ж, блин дракон!! Настоящий! Да это всё равно, что увидеть на улице живого динозавра!!

Воздух содрогнулся от мощного взмаха крыльев, и порыв ветра сбил меня с ног. Я упала, больно ударившись задницей об пол, зажмурилась и прикрыла лицо руками, чтобы хоть как-то спрятаться от ослепительного света. Сердце колотилось так, словно вот-вот вырвется наружу.

Я задрала голову и увидела, как Ласло, уже полностью дракон, легко взмыл в утреннее небо. Золотая чешуя искрилась, а каждый взмах крыльев отзывался во мне дрожью. «Это он... это Ласло...» — мысль пронзила меня ледяной стрелой. Мир в одно мгновение перевернулся: человек, которого я считала опасным, оказался ещё и чудовищно могущественным.

И только тут я поняла, что всё это время открывала рот в беззвучном крике, хотя из горла вырывалось лишь беспомощное сипение.

— Что тут происходит? — вдруг донёсся от двери ещё один мужской голос, совершенно незнакомый, но при этом страшно недовольный.

Я заморгала, протерев глаза, и уставилась на пухлого приземистого дядечку в щеголеватом тёмно-сером сюртуке, который возник на пороге.

— Вы кто? — прошептала я, ещё не придя в себя от шока.

Дядечка только гневно зыркнул на меня круглыми, как пуговицы, глазками.

— Я Август Грицек, главный в этой гаспитоли! А вот кто вы такая, очень хотелось бы знать?!

Глава 17

— Эстель... Адони, — представилась я после короткой паузы и поморщилась от того, как тяжело ворочался язык. Последствия шока, не иначе. — Я доктор.

А перед глазами всё ещё хлопали золотые крылья и горела чешуя в лучах солнца — и я никак не могла прийти в себя. Тут ещё на меня с порога накинута этот дядька, будто я лично виновата в том, что у него день не задался! Растеряешься тут.

— Мы ведь с вами знакомы? — осторожно уточнила я, а в голове запульсировали два факта: Эстель уже работала в этой гаспитоли и... Ласло только что взмыл в небо, как дракон. Эти два события совершенно не сочетались, но я цеплялась хоть за что-то, чтобы удержать себя в реальности.

— Знакомы? — Грицек презрительно фыркнул, будто я спросила полнейшую глупость. — А с какой стати я должен тебя помнить? Думаешь, если ты первая за десять лет выпускница Академии, которую сюда распределили, то я обязан носиться с тобой, как с заморской редкостью? Ха! У меня дел выше крыши, чтобы держать в голове каждую соплячку, что вообразила себя доктором!

— Так-то вы на редкость детально описали меня — для того, кто совершенно меня не помнит! — хмыкнула я и рывком поднялась с пола. Тряхнула волосами и быстро поправила юбку, окончательно придя в себя.

Август Грицек молча проследил за мной глазами, и под конец ему даже пришлось задрать голову — когда я выпрямилась, выяснилось, что он едва-едва достаёт мне до плеча.

Любови ко мне этот факт ему явно не прибавил. Я это почувствовала по побагровевшему лицу.

— Умная больно! — взвизгнул он и потопал к лестнице, грубо отпихнув меня с пути. По дороге ему совершенно некстати попалась пустая койка, он запнулся об неё и, шипя от боли, запрыгал на одном месте:

— Ай! Всё ты виновата! Всё ты!

— У вас эти койки так и стояли, — вздохнула я, а про себя искренне пожалела бабку Аглаю: она-то с этим противным дядькой проработала гораздо дольше и явно хлебнула от него сполна.

И тут же спохватилась. А ведь мне сейчас придётся с ним договариваться о комнате! Только что-то сомневаюсь, что согласие удастся получить очень быстро.

— Поговори тут у меня! — выплюнул Грицек и похромал к лестнице. Небрежно махнул рукой куда-то вбок, — Иди лучше, найди швабру и всё тут вымети! А то грязи развели, дышать невозможно!

Я хотела было возразить ему, что я не уборщица, к тому же, у меня сейчас много других дел, как у врача, как вдруг сверху раздался пронзительный требовательный плач малышки и усталый голос Данки, которая пыталась её утихомирить.

Грицек замер и рявкнул, обернувшись ко мне:

— Это ещё что такое?! Откуда тут младенец?

— Этой ночью я приняла роды у Даниэллы Риббе, — отчеканила я. Вроде, фамилию правильно вспомнила, — вызов поступил от её свекрови и мужа, и нам вместе с Аглаей пришлось препроводить её в баню. Кстати, этот момент я бы тоже хотела...

— Риббе, значит, — перебил меня Грицек, недовольно поджав губы. — Ну что ж, раз уж ты здесь решила устроить всё по-своему, давай-ка веди! Я лично посмотрю, как ты там разместила Даниэллу. Надеюсь, у тебя хватило ума не перепутать палату с кладовой — у нас тут, знаешь ли, люди лежат, а не мешки с картошкой! — язвительно выдал Грицек и прищурился, ожидая моей реакции.

Я прикусила язык, чтобы не сорваться. В груди всё клокотало. Очень хотелось сказать что-нибудь едкое в ответ — вроде того, что даже мешки с картошкой, пожалуй, были бы устроены получше, чем его пациенты при таком главвраче. Видела я эти койки в коридоре!

Вот только я знала: нельзя. Он тут главный, и одно моё слово в резком тоне может обернуться для меня адом на ближайшие месяцы. Я сейчас – бесправная выпускница, на которую ещё и жуткий ошейник навесили. Надо держать себя в руках, пусть это и кажется мне пыткой.

Я вдохнула глубже. Грицек не сводил с меня глаз и только что не облизывался, явно предвкушая бурную реакцию. Это было тяжело, но я заставила себя улыбнуться хаму уголками губ — ровно настолько, чтобы это выглядело натянуто-вежливо, а не издевательски.

– Пойдёмте, господин Грицек, – ответила я с подчеркнутым спокойствием. – Убедитесь сами. Я готова вам всё показать.

Грицек буркнул что-то вроде «Посмотрим-посмотрим» и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, пошёл следом за мной к лестнице. Я слышала за спиной его пыхтение и буквально кожей чувствовала, как ворочаются мысли в его голове, словно он изо всех сил ищет, к чему бы ещё прицепиться.

Что я, то есть, Эстель, ему такого сделала? Может, забыла шприц на его кресле, а он возьми, и перевернись иглой вверх?

Мы уже поднимались вверх по лестнице, как вдруг Август вновь подал голос.

– И ещё, Эстель, – вдруг проскрипел он, и прозвучало это особенно мерзко, словно он задумал невероятную пакость, – к завтрашнему утру жду от тебя полный отчёт по этим родам. С подробным описанием каждой схватки, каждого твоего действия и, разумеется, с выводами. Посмотрим, чему вас там в Академии обучили и не даром ли ты жрала государственный хлеб!

Я моргнула, пытаюсь осознать сказанное. Завтра? Он серьёзно?! Даже если я не сомкну глаз, написать, собрать все записи и оформить их так, чтобы угодить этому самодуру, будет невероятно сложно.

– Завтра?! – вырвалось у меня громче, чем я хотела. Я прикусила губу, но было уже поздно. – Простите, а зачем вам отчёт именно к завтрашнему утру? У меня, между прочим, работа есть!

Грицек вскинул брови и скривился, будто я самым наглым образом покусилась на святыню. Но я уже не могла остановиться: возмущение само рвалось наружу.

– У меня сейчас на руках мать и новорожденная! Их состояние нужно отслеживать каждые пару часов. Кроме того, я должна разобраться с делами Эстель... в смысле, просто с делами и подготовиться к приёму новых пациентов. Или вы думаете, что они будут ждать, пока я усядусь за красивый отчёт?

Я выдохнула резко, чувствуя, как в груди поднимается знакомая обжигающая дрожь — та самая, которая всегда возникала, когда я спорила с начальством в прошлой жизни.

Грицек сузил глаза, губы его дрогнули в издевательской усмешке.

– Ох, какая заботливая! – протянул он. – Ничего, соплячка, совмещать научишься. И вообще, где ты увидела новых пациентов? Что-то я не наблюдаю у нашего крыльца толпы больных! Сейчас разгар лета, все в полях работают, болеть некому и некогда. Так что закрой свой рот и выполняй то, что велено!

Грицек вдруг хмыкнул каким-то своим мыслям, и в его голосе прозвенела та самая злобная изобретательность, что делает людей опасными:

— Слушай меня внимательно, «доктор». Если к утру на моем столе не будет твоего отчёта, я не поленюсь составить доклад — и не куда-нибудь, а в Королевское Управление Лекарями. Я пожалуюсь на твою некомпетентность и хамство и распишу всё так, что тебе ничего не останется, кроме как остаться навечно привязанной к нашей гаспитоли. Только уже не в качестве доктора, а полумойки!

В висках застучало, а на глаза упала плотная тёмная пелена.

Если он настроит на меня эту жалобу, то это гарантированно дойдёт до инспектора Хана. А это значит, что моя жизнь и свобода в этом мире оборвутся, даже толком не начавшись!

Но если я соглашусь и покорно выполню его требование, то он поймёт, что можно и дальше меня гнобить. Заступиться за меня здесь некому. Куда жаловаться, я не знаю, судя по всему, этот Грицек в гаспитоли царь и бог.

Хотя постойте-ка...

Я выпрямилась и взглянула на Августа, озарённая неожиданной идеей.

Глава 18

– Чего это ты так смотришь? – с подозрением осведомился Грицек. Его нос задёргался, словно он чуял неладное. Но я его не сразу услышала. У меня уже бешено заработала соображалка.

Меня словно ударило током: а ведь никто не мешает мне открыть собственную клинику! Не сидеть под гнётом этого самодура Грицека, не терпеть его издёвки, а просто взять и начать всё заново. Пусть не целую клинику – это было бы слишком самонадеянно – пусть хотя бы небольшой врачебный кабинет, где я смогу лечить людей так, как считаю правильным!

Сердце застучало сильнее, но почти сразу радость сменилась холодком сомнений. Где я возьму деньги? У меня ни накоплений, ни связей. Я понятия не имею, как вести собственное дело в этом мире. С какими подводными камнями мне предстоит столкнуться. Всё, что у меня есть, — это упрямство, багаж знаний из нашего мира и руки опытного врача-терапевта.

И вдруг я вспомнила Михаэля Риббе! Вчера он предложил мне переехать к ним, чтобы помогать Даниэлле с младенцем. Тогда я отказалась, решив, что не хочу быть обузой. Но теперь...

Он ведь человек состоятельный, у него лесопильня, которая приносит доход. Разве будет большим грехом попросить у него в долг? Я же не требую милости — я верну всё, до последней медяшки, как только встану на ноги. Даже нет.

По мере вставания на ноги буду возвращать ему долг!

От этой мысли моя разбушевавшаяся совесть примолкла.

Правда, сама мысль просить у кого-то деньги всё ещё неприятно царапала. Всю жизнь я привыкла рассчитывать только на себя. Но ведь я спасла его ребёнка! Разве в таком случае с моей стороны будет зазорным попросить о небольшой ссуде?

Я глубоко вздохнула. Чем больше обдумывала идею, тем сильнее она мне нравилась.

– Ты что, оглохла? – мерзким скрежещущим голосом поинтересовался Грицек, – Встала и стоит с разинутым ртом! Эй, слышишь? Просыпайся!

И больно пнул меня по ноге. От боли я подскочила, и все сомнения разом улетучились.

Решено! Грицек пусть идёт лесом! Я себя не на помойке нашла, чтобы надо мной ещё и издевались!

Мы вошли в палату к Данке, и Грицек моментально преобразился. Его хмурое, злое лицо словно разгладилось — по нему расплылась приторная, явно вымученная улыбка.

— Ах, вот вы где, невестка госпожи Риббе! — пропел он тоном, от которого меня тут же передёрнуло. — Ну надо же, какие у нас тут молодцы! И мамочка, и крошка... какая славная девочка! — Он наклонился над кроватью, глядя на младенца, и добавил вкрадчиво:

— А как мы себя чувствуем, а? Всё ли хорошо? Не обижают вас тут? Если обижают, только скажите дяде Августу, я тут быстренько порядок наведу! Утю-тю, какая лапушка...

И потянулся к малышке, то ли чтобы погладить по голове, то ли чтобы сделать козу.

Девочка непонимающе посмотрела на него. Её хорошенькое личико сморщилось, и она пронзительно заревела.

Я мигом подскочила к Грицеку и встала так, чтобы отодвинуть его от девочки.

– Вы, наверное, много работаете, господин Грицек, и забыли, что новорожденных лучше не трогать немытыми руками. А ещё лучше – держаться от них на расстоянии. Не думаю, что самой госпоже Риббе понравится такое обращение с её внучкой. Я же всё верно говорю?

Грицек уставился на меня, как на какое-то насекомое. Его шея побагровела, а ноздри раздулись.

– Д-да, – выдавил он, а я сделала в уме пометку: ага, значит, он явно заинтересован в том, чтобы произвести хорошее впечатление на старуху Риббе. Учтём.

Даниэлла растерянно моргала, наблюдая за этой сценой, и чуть сильнее прижала дочку к груди. Принялась укачивать её, шепча на ушко всякие милые слова.

— Всё хорошо, господин Грицек. Спасибо, — ответила она тихо, явно не зная, как реагировать на его показное внимание.

Он кивнул, покачиваясь на пятках.

— Ну вот и прекрасно. А то некоторые тут, — он злобно зыркнул на меня, — любят действовать самовольно. Но не переживайте, я лично переведу вас в палату получше! Там и потише, и почище. И она как раз напротив моего кабинета. Вам там будет гораздо уютнее, и вы сможете восстановиться в кратчайшие сроки.

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Хотелось сказать, что перевод в другую палату — последнее, что сейчас нужно женщине, только-только родившей, но не хотелось повышать градус нашей перепалки на глазах у Данки.

Она вдруг подняла голову, и, к моему удивлению, в её голосе прозвучала решимость:

— Благодарю, господин Грицек, но мне и здесь вполне удобно. И я хотела бы, чтобы меня продолжала наблюдать госпожа Эстель. Она очень помогла мне прошлой ночью.

Словно подтверждая это, малышка замолчала и уставилась на меня огромными глазёнками. Вдруг её беззубый ротик разъехался в широкой улыбке, и она радостно взвизгнула.

На сердце тут же стало тепло, и я искренне улыбнулась в ответ.

Какой чудесный ребёнок!

Грицек на мгновение застыл, как будто ему врезали по лицу. Его улыбка натянулась, словно вырезанная из бумаги, глаза зло сверкнули.

— Ах, вот как... — протянул он, и в голосе зазвенело железо. — Ну что ж... как скажете. Конечно. Если пациентка настаивает...

Он так сильно сжал кулаки, что костяшки пальцев побелели. Взглянул на меня, и в его глазах читалась уже неприкрытая ненависть.

— Только учтите, госпожа Эстель, — процедил он уже почти шёпотом, — я лично проверю, как вы будете “наблюдать” госпожу Даниэллу.

— Конечно, — ответила я ровно, глядя ему прямо в глаза.

Он ещё раз сладко улыбнулся Данке, пообещав зайти завтра с утра, чтобы убедиться, что у них всё в порядке, а потом, даже не удостоив меня взглядом напоследок, вышел, громко хлопнув дверью.

Мы с Данкой проводили его взглядом, а потом переглянулись.

— Даниэлла, — твёрдо сказала я, — как мне связаться с вашим мужем?

— Он уже предложил вам к нам переехать? — обрадовалась Данка, — Ура! Я знала, что Михо не забудет!

— Именно по этому поводу я и хочу с ним поговорить, — кивнула я, — Но не могу покинуть госпиталь в рабочее время. Можно ли как-нибудь отправить ему весточку?

— Да! — едва не подпрыгнула Данка и завозилась, ища что-то под подушкой, — Вот, подержите Китти, пожалуйста...

Она сунула мне в руки дочку, и я ошарашенно взяла её. Китти — видимо, теперь стоило звать её так — принялась весело ёрзать у меня на руках, сучить ручками и ножками и задорно гулить.

— Тише-тише-тише, — пробормотала я, пристроившись на уголке койки Данки. Меня охватила паника: я никогда не держала младенцев и не имела ни малейшего представления, как это правильно делается. А вдруг я ей наврежу?

Для верности я прижала Китти к себе и подсунула одну руку ей под спинку. Девочка не возражала только задрыгала ногами ещё сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.